

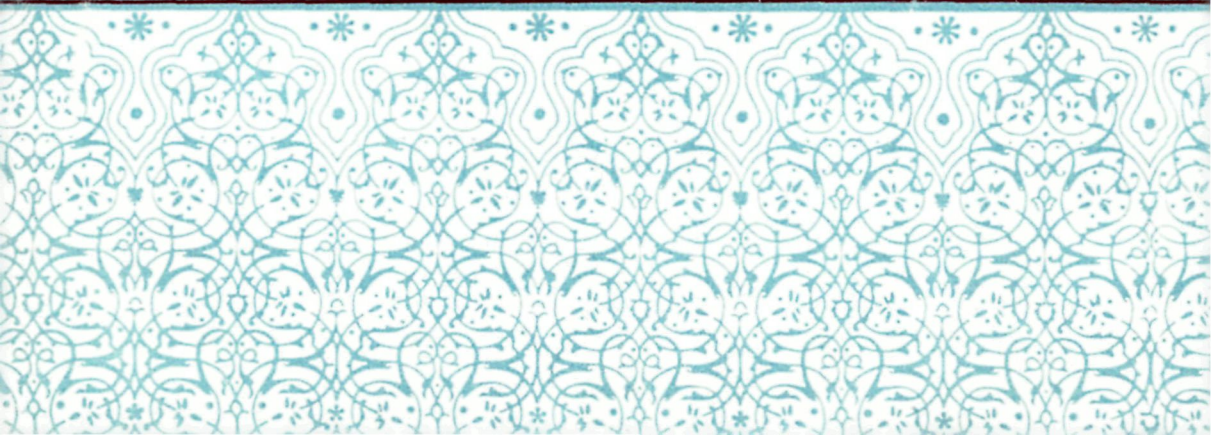
ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1981

3

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

3

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. Қ. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР Қ. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. ҚОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. ҚАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук Қ. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИҚМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. Ю. Чурина*

Сдано в набор 3.05.81. Подписано к печати 12.05.81. Р0 8129. Формат 70×108 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,65. Уч. изд. л. 6,6. Тираж 1410. Заказ 76. Цена 40 к.

Адрес Издательства: 700047, г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1981 г.

Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!

Э. Ю. ЮСУПОВ

**XXVI СЪЕЗД КПСС И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

XXVI съезд КПСС стал крупнейшим историческим событием в жизни нашей партии, многонационального советского народа, международного коммунистического и рабочего движения. Съезд еще раз продемонстрировал всему человечеству миролюбивую внутреннюю и внешнюю политику КПСС, рост авторитета и влияния созданной В. И. Лениным Коммунистической партии в международном коммунистическом, рабочем, национально-освободительном движении, в борьбе за мир, социализм и прогресс во всем мире, твердую сплоченность всех советских людей вокруг родной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с выдающимся политическим деятелем современности Л. И. Брежневым.

Отчетный доклад ЦК КПСС съезду, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, является документом огромного теоретического и политического значения. В нем с позиций марксизма-ленинизма, творческого подхода к изучению и анализу сложных социально-политических проблем современности выявляются политические, социально-экономические, идеологические корни сложных, многогранных событий, которые происходят в мире, раскрываются ленинские миролюбивые цели внешней политики КПСС, направленные на предотвращение гонки вооружений, укрепление мира, сотрудничества и взаимопонимания между народами, обуздание агрессивных прощисков империализма.

Исходя из всестороннего анализа итогов X пятилетки, намечены задачи развития нашего общества в XI пятилетке и на период до 1990 г. Перспективные проблемы определены на основе глубокого познания реальных возможностей, объективных законов социально-экономического развития. Строгая научная, теоретическая обусловленность, практическая целесообразность — главные причины жизненности внутренней и внешней политики КПСС. Делегаты съезда по-деловому, всесторонне, с большой заинтересованностью обсудили и единодушно одобрили Отчетный доклад ЦК КПСС, доклад члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова об итогах развития народного хозяйства страны в X пятилетке и задачах на XI пятилетку.

В выступлениях делегатов, зарубежных гостей съезда выражены глубокое уважение к КПСС, ее ленинскому Центральному Комитету и твердая решимость советских людей претворить в жизнь те грандиозные предначертания, которые определены в решениях XXVI съезда КПСС.

В Отчетном докладе ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что на современном этапе все более возрастает роль научно-технического прогресса в реализации многогранных, взаимосвязанных задач политиче-

ского, социально-экономического и духовного развития советского общества. В совокупности стоящих перед советским народом задач нет ни одной проблемы, которую можно было бы решать, не опираясь на достижения науки и техники. «В большом значении науки, — говорил Л. И. Брежнев, — убеждать никого не приходится. Партия коммунистов исходит из того, что строительство нового общества без науки просто невозможно».

В материалах XXVI съезда КПСС уделено большое внимание и определению перспективных задач в области общественных наук. На современном этапе развития нашего общества научные исследования в области общественных наук все теснее увязываются с решением конкретных задач перехода от социализма к коммунизму, с изучением политических, социально-экономических, идеологических процессов, которые происходят в мире. Роль общественных наук в жизни общества предопределяется необходимостью теоретического осмысления стоящих перед советским обществом задач, обобщения накопленного огромного социального опыта, без чего невозможно определить перспективные проблемы дальнейшего развития, творческое обогащение марксистско-ленинской теории.

Повышение значимости общественных наук в социально-политической и духовной жизни нашего общества обуславливается также постоянным возрастанием руководящей роли КПСС, усилением объективной необходимости научного руководства развитием советского общества на основе глубокого познания и умелого использования объективных законов действительности в целях обеспечения комплексного, взаимосвязанного развития всего единого механизма политического, экономического, социального, духовного прогресса. «Марксистско-ленинская партия, — говорил Л. И. Брежнев, — не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, творческому развитию марксистско-ленинской теории».

На основе широкого применения достижений науки и техники большие успехи были достигнуты в годы X пятилетки и в развитии промышленности, сельского хозяйства, других отраслей экономики Узбекской ССР. Новыми достижениями озаменовался этот период и в области развития культуры, особенно культуры быта, коммунистического воспитания трудящихся республики.

Многие научные открытия ученых получили непосредственное практическое применение, что способствовало увеличению валового производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, повышению производительности труда, решению многих проблем совершенствования управления производством, планирования и т. д.

В успешном развитии экономики, социальных отношений, культуры, усилении коммунистического воспитания тружеников республики есть также немалая доля ученых-обществоведов.

Особенно примечательны успехи ученых-экономистов. Так, коллектив Института экономики АН УзССР плодотворно работал над фундаментальными и прикладными проблемами науки, как теоретические и методологические вопросы развития отдельных народнохозяйственных комплексов, всего народного хозяйства республики, рациональное использование ее трудовых и природных ресурсов в интересах комплексного, гармоничного развития производительных сил страны, общеэкономическое и межотраслевое развитие народного хозяйства в 1981—1985 гг., развитие народнохозяйственного хлопкового комплекса, социальное развитие, повышение жизненного уровня населения и т. д.

Разработка теоретических и прикладных проблем экономической науки осуществляется в тесном контакте с практиками. Это усиливает ценность, эффективность, качество научных исследований и ускоряет внедрение их результатов в различные отрасли народного хозяйства.

Коллектив Института экономики внес большой вклад и в разработку проблем прогноза долгосрочного планирования. Это — серьезная и ответственная работа, имеющая большое научное и практическое значение. Для изучения проблем прогноза необходимы глубокие знания закономерностей и форм развития производительных сил, производственных отношений в условиях социализма, всесторонний учет многих взаимосвязанных проблем, отраслевых и территориальных особенностей конкретных отраслей производства.

Успешно продолжается работа над изучением условий, путей, факторов сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной. В тесном сотрудничестве с другими научными коллективами, научно-исследовательскими институтами Москвы и братских среднеазиатских республик Институт экономики АН УзССР активно участвует в разработке методических основ комплексной программы «Хлопок».

Большое значение имеет изучение проблем улучшения планирования и повышения эффективности производства. По данному вопросу Институт подготовил интересный, научно обоснованный доклад на тему «Современный уровень и пути повышения эффективности промышленного производства Узбекистана в XI пятилетке».

Институтом разработаны ценные рекомендации по усилению промышленного строительства и реконструкции действующих предприятий в малых и средних городах, сельских районах УзССР. Для нашей республики, где интенсивно растут людские ресурсы, изучение данного вопроса имеет огромное значение. Выводы и рекомендации ученых по данному вопросу приняты к использованию при разработке основных направлений социально-экономического развития Узбекской ССР на 1981—1990 гг. Научный доклад сотрудников Института «Демографическая ситуация и перспективы роста численности населения и трудовых ресурсов в Узбекистане» включен в комплексную программу научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу, разработанную ГКНТ Совета Министров СССР и АН СССР. Особо следует отметить разработку Институтом основных направлений социально-экономического развития г. Ташкента на период 1976—1980 гг. и до 1990 г. Эта разработка использована Госпланом УзССР при составлении плана народнохозяйственного развития республики.

В числе научных исследований Института есть и проблемы, носящие оперативный характер. Среди них — разработка комплексной программы повышения качества продукции объединения «Ташкенткабель», технико-экономическое обоснование эффективности ряда работ институтов естественного и технического профилей АН УзССР и т. д. Отрадно отметить, что, уделяя большое внимание эффективности научных исследований, Институт установил тесные контакты с производственными объединениями «Узбексельмаш», НПО «Технолог», заводом «Компрессор» и т. д. Эти предприятия стали прочной базой для экспериментальной проверки научных рекомендаций и методических положений по повышению качества продукции и эффективности производства. Такие контакты способствуют превращению научных исследований в активный фактор развития производительных сил.

Плодотворную научно-исследовательскую работу проводил коллектив Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН УзССР. Весомым вкладом в разработку проблем социально-экономического развития республики явились исследования, связанные с изучением комплексного развития производительных сил в Ферганской долине, Голодной степи, Бухара-Навийского, Нижне-Амударьинского и Ангрен-Алмалыкского территориально-производственных комплексов (ТПК). В настоящее время продолжается разработка проблем социально-экономического развития Кашкадарьинского ТПК в перспективе.

В процессе изучения и завершения каждое научное исследование по указанным проблемам было детально обсуждено на местах с участием партийных и советских работников, специалистов народного хозяйства. Так, коллектив СОПСа стал инициатором новой формы контактов научных учреждений с практическим потребителем завершенных научных работ.

Большое внимание уделяется изучению вопросов комплексного развития и размещения промышленных узлов и центров республики, территориально-экономических связей Узбекистана с другими республиками Средней Азии, Казахстаном и Сибирью.

Коллектив СОПСа внес весомый вклад в разработку научных основ и принципиальных направлений в развитии и размещении производительных сил Узбекистана на перспективу. Эта разработка одобрена Госпланом УзССР. Составной частью ее явилась интересная в теоретическом и практическом отношении разработка прогноза комплексного освоения природных ресурсов Узбекистана, удостоенная премии ВДНХ СССР.

Особую актуальность и практическую значимость имеет комплексная проблема охраны окружающей среды. С развитием научно-технического прогресса интерес к ней все более возрастает. В истекшей пятилетке по заданию ГКНТ Совета Министров СССР коллектив СОПСа разработал проблему «Прогноз влияния эксплуатации природных ресурсов на состояние окружающей среды в районе Ангрен-Алмалыкского ТПК и в низовьях Амударьи». Изучение этой проблемы тесно связано со снижением уровня Аральского моря и разработкой научных основ максимального уменьшения отрицательных последствий этого процесса. На СОПС возложена задача координации научных исследований по данной проблеме в масштабе всего Приаралья.

В минувшей пятилетке завершено издание четырехтомной монографии «Ирригация Узбекистана», где на базе обобщения уже накопленного опыта даются рекомендации по дальнейшему улучшению ирригационного строительства в зонах орошаемого земледелия. Эта проблема имеет не только союзное, но и международное значение.

Общее признание получил вклад СОПСа в разработку социально-экономических проблем переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Результаты работы по данной проблеме получили высокую оценку Института водных проблем АН СССР, «Союзгипроводхоза» и др.

Трудно перечислить все проблемы, над которыми трудится коллектив СОПСа АН УзССР. Самым отрядным в этом деле являются тесные связи, установленные им с другими научными учреждениями и практиками при разработке каждой проблемы.

Определенные успехи в повышении качества и идейно-теоретического уровня научных исследований достигнуты Институтом философии и права им. И. М. Муминова. Сотрудники Института в тесном контакте с Институтом философии АН СССР, учеными, работающими в высших

учебных заведениях, внесли заметный вклад в разработку таких важных проблем, как теория диалектики, философские вопросы современного естествознания, сближение и взаимообогащение духовной культуры социалистических наций в условиях зрелого социализма, теория и практика некапиталистического пути развития, изменения социальной структуры общества в период социалистического и коммунистического строительства, история общественно-философской мысли народов Средней Азии и сопредельных стран Востока, развитие Советского общенародного государства, правовые вопросы рационального использования природных ресурсов и окружающей среды и т. д.

Много внимания уделяется изучению теоретических и практических проблем развития культуры быта села. Ряд практических рекомендаций по этому вопросу переданы партийным и советским организациям. В научных исследованиях коллектива Института заметное место занимает и изучение вопроса о роли русского языка в сближении и сотрудничестве социалистических наций, развитии духовной культуры.

Определенные успехи достигнуты в развитии исторической науки. Институт истории АН УзССР стал крупным центром организации и координации научных исследований в области исторической науки и подготовки высококвалифицированных кадров.

Отрадным в деятельности Института в период X пятилетки явились сокращение мелкотемья, дублирования и мобилизация высококвалифицированных научных кадров на разработку наиболее актуальных в научном и практическом отношении проблем. Коллективом Института истории в тесном контакте с рядом институтов АН СССР, институтами истории академий наук других республик Средней Азии разработаны такие проблемы, как «История колхозного крестьянства Узбекистана», «Возрастание роли рабочего класса в научно-технической революции», «Дружба и сотрудничество народов — важный фактор формирования новой исторической общности — советского народа», «Современные этнические процессы и быт узбекского народа» и т. д.

Определенное внимание придается изучению малоразработанных проблем средневековой истории народов Узбекистана и этнической истории народов Средней Азии. Коллектив Института принял участие в подготовке ряда региональных работ. Ведется значительная работа по составлению и подготовке к публикации «Свода памятников истории и культуры Узбекистана».

Коллектив Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни в период X пятилетки занимался проблемами истории, современной социально-экономической политики и культурной жизни народов зарубежного Востока, нового этапа национально-освободительного движения, истории культурно-экономических связей народов СССР и зарубежного Востока, изучением и обнародованием письменных памятников прошлого. Не только общесоюзное, но и мировое признание получили труды ученых, посвященные изучению наследия Абу Райхана Беруни, Абу Али ибн Сины, Хорезми и других выдающихся мыслителей средневековья. В рукописном фонде Института сосредоточено около 50 тыс. восточных рукописей, изучение которых имеет большое значение для раскрытия многих неразработанных проблем древней и средневековой истории народов Средней Азии, Казахстана и сопредельных стран Востока.

Коллектив Института внес заметный вклад в разработку таких проблем, как национальный вопрос в странах Ближнего и Среднего Востока, теоретические, практические проблемы национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, теоретические проблемы формирования и взаимосвязей мировой культуры. Среди опубликован-

ных коллективом Института за последние годы работ — новое издание «Канона врачебной науки» Абу Али ибн Сины, «Канон Ма'суда» Беруни, «Море тайн» Махмуда ибн Вали, «Октябрь и литература Ирана», «Великий Октябрь и зарубежный Восток», «Очерки истории Индии», «Иран», «Афганистан» и др.

С каждым годом расширяются научные исследования в области археологии. Узбекистан — один из очагов древнейшей цивилизации — в настоящее время является поистине археологическим кладом. Коллектив Института археологии АН УзССР обогатил отечественную науку рядом интересных открытий, получивших мировое признание. Ряд работ археологов Узбекистана опубликованы в Японии, США, Канаде и других странах. В настоящее время интенсивные археологические раскопки ведутся практически на всей территории республики. Но несмотря на большие успехи в исследовании древнейшей, древней, раннесредневековой истории, в этой области предстоит еще сделать очень многое.

Коллектив Института археологии внес большой вклад в разработку вопросов этнической истории. В результате установлены этапы формирования памиро-ферганского антропологического типа в середине I тыс. до н. э. Итоги исследований археологов дают новый обширный научно обоснованный материал для решения многих спорных проблем этнической истории народов Средней Азии.

Археологи ведут интенсивные изыскания и в области античной истории, что также является новой страницей в развитии археологической науки Узбекистана. Достигнуты некоторые успехи в определении возраста городов — Самарканда, Бухары, Ташкента и др.

Ученые-археологи принимают активное участие и в подготовке 14-томного «Свода памятников истории и культуры Узбекистана».

Немало достижений и на счету сотрудников Института языка и литературы им. А. С. Пушкина. За истекшее пятилетие они опубликовали в местной и центральной печати, а также за рубежом 80 монографий, 40 брошюр и более 100 научных статей. Замечательным явлением в научной жизни республики стали подготовка и издание «Теории литературы» (в 2 томах), «Истории узбекской литературы дооктябрьского периода» (в 5 томах), «Истории советской узбекской литературы» (в 2 томах), «Грамматики узбекского языка» (в 2 томах), «Очерков русской литературы Узбекистана», «Орфографического словаря узбекского языка», «Вопросов истории узбекского языка», собраний сочинений Хамзы и Айбека, 1 тома капитального труда «Толковый словарь узбекского языка».

Сотрудники Института уделяли большое внимание изучению роли русского языка в развитии узбекского языка и литературы. Особенно актуально изучение проблем функционирования русского языка в Узбекистане в условиях развитого социализма.

В разработке многих проблем литературы и языка Институт установил прочные связи с институтами языка и литературы АН СССР, академий союзных республик, с кафедрами языка и литературы высших учебных заведений Узбекистана. Институт был инициатором и принимал активное участие в проведении ряда международных, всесоюзных, республиканских научно-теоретических конференций.

Расширяется научно-исследовательская деятельность Института рукописей им. Х. С. Сулейманова — самого молодого из научных учреждений АН УзССР. В настоящее время коллектив Института работает над такими проблемами, как «Собирание, систематизация и хранение рукописных памятников и документов», «Текстологические исследования и публикация рукописного наследия, книжного искусства Востока»,

«Факсимильное издание уникальных художественных рукописей», «Пропаганда узбекской дооктябрьской литературы, литературы Советского Узбекистана».

Рукописный фонд Института за последние годы пополнился большим количеством новых, ранее не известных рукописей и редких книг. Собраны архивы многих писателей Узбекистана, обогащается фольклорный фонд. Крупным событием в культурной жизни республики явились вновь найденные рукописи, в числе которых — произведения классика узбекской литературы Хафиза Хорезми и др. Все это имеет огромное значение для изучения богатого культурного наследия прошлого и литературы советского периода.

В разработку проблем философии, истории, археологии, этнографии, литературоведения, языкознания, искусствоведения вносит свой вклад коллектив Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР. Только за последнее время изданы большой «Орфографический словарь каракалпакского языка», «История каракалпакской советской литературы», «Археологические исследования в Каракалпакии», «Этнография каракалпаков XIX—XX вв.»; продолжается издание 20-томных «Образцов Каракалпакского фольклора» и т. д.

Большую научно-исследовательскую и воспитательную работу ведет Музей истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека, где хранятся многие бесценные сокровища материального и духовного наследия среднеазиатских народов и народов сопредельных стран Востока, реликвии революционной, боевой и трудовой славы нашего народа. Сейчас в коллекции Музея насчитывается свыше 200 тыс. единиц хранения. Сотрудники Музея разрабатывают ряд актуальных вопросов истории музейного дела, археологии и истории народов Узбекистана.

Определенную педагогическую и научно-исследовательскую работу проводят кафедры философии и иностранных языков. Кафедра философии вносит полезный вклад в изучение философских проблем современного естествознания.

В рамках одной статьи трудно перечислить все проблемы, над которыми работают ученые-обществоведы республики. В целом же можно сказать, что несмотря на отдельные недостатки и неиспользованные возможности в области научных исследований и подготовки высококвалифицированных кадров, X пятилетка явилась новым этапом в развитии общественных наук в Узбекистане.

* *
*

В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выдвинул новые важнейшие задачи, решение которых будет способствовать дальнейшему развитию общественных наук, повышению идейно-теоретического уровня и практической значимости научных исследований.

Ученые-обществоведы уделяют большое внимание изучению и общению конкретных вопросов социалистического и коммунистического строительства в СССР и его международного значения, теоретических и практических проблем зрелого социализма, комплексного осуществления политико-воспитательной работы и т. д.

Вместе с тем, как подчеркнул Л. И. Брежнев, «далеко не все в области общественных наук вызывает удовлетворение. Не преодолена еще склонность к схоластическому теоретизированию, о чем говорилось на XXV съезде. Философы частенько предпочитают доказывать доказан-

ное, вместо того, чтобы осмыслить новые явления жизни. Немало проблем, ждущих своего решения, накопилось в политической экономии социализма. Больше внимания требуют социальные последствия научно-технической революции. Глубже и смелее надо анализировать явления политической жизни общества. Слабо еще изучается общественное мнение. И это — только часть вопросов, которыми предстоит заняться».

В свете положений и указаний Л. И. Брежнева, материалов XXVI съезда КПСС, XX съезда Компартии Узбекистана необходимо обратить внимание на улучшение научной организации исследований, определение их рациональности и целесообразности, повышение роли общественных наук в решении конкретных проблем коммунистического строительства.

Важными факторами улучшения качества и повышения эффективности научных исследований являются координация и кооперация.

У нас накоплен определенный положительный опыт координации научных изысканий, организации совместных исследований с участием экономистов, историков, философов, правоведов, филологов и т. д. Но задачи, вытекающие из решений XXVI съезда КПСС, XX съезда Компартии Узбекистана, настоятельно требуют дальнейшего совершенствования работы в этом направлении.

Координация — это научно обоснованная организация и целенаправленное развитие общественных наук с учетом актуальных задач сегодняшнего дня и малоработанных проблем науки в целом. При этом следует учитывать, что актуальность научных исследований не всегда обуславливается изучением непосредственно проблем сегодняшнего дня. Для науки актуальны и те страницы политического, социально-экономического и духовного развития прошлого, которые до сих пор были неизученными и слабо разработанными.

Важным условием совершенствования координации научных исследований является разработка с участием высококвалифицированных специалистов основных направлений развития науки, что способствует недопущению дублирования и мелкотемья. В работе координационных советов должны принимать участие все крупные ученые, работающие по тем или иным отраслям общественных наук, которые в целом представляют современный уровень науки и перспективные проблемы ее развития.

Разработка и рекомендация примерной тематики докторских и кандидатских диссертаций, монографических исследований способствуют сосредоточению усилий ученых на изучении наиболее актуальных проблем науки, нацеливают их внимание на слабо освещенные или почти не освещенные вопросы, помогают молодым научным силам с первых же шагов выбрать актуальные и злободневные темы исследования.

Как показывает опыт, молодые преподаватели периферийных вузов нередко испытывают большую трудность в выборе темы для кандидатской или докторской диссертаций, монографических исследований. Они не всегда имеют возможность точно представить себе актуальность и степень разработанности той или иной темы. В силу этого нередко выбор темы носит случайный характер, и усилия молодых кадров науки тратятся на разработку неактуальных, второстепенных тем или на повторное изучение давно уже решенных в науке проблем. Эти отрицательные явления следует всячески изживать.

У нас, как сказано выше, уже имеется определенный положительный опыт в решении этой важной проблемы. При АН УзССР созданы республиканские координационные советы, которые разработали тематику научных исследований по конкретным проблемам исторической, юридической, философской, экономической наук. Эти темы регулярно публи-

куются на страницах журнала «Общественные науки в Узбекистане», наряду с публикацией утвержденных тем докторских и кандидатских диссертаций. Сейчас координационные советы и их секции получают письма от молодых ученых с просьбой закрепить за ними те или иные темы и организовать необходимые консультации по избранной проблеме.

Координационные советы должны уделить большое внимание обсуждению планов кандидатских диссертаций и проспектов докторских диссертаций. Как показывает опыт, на первоначальной стадии работы над диссертацией молодые ученые не всегда представляют себе совокупность вопросов, которые надо решать в рамках данного исследования. Бывает и так, что на одну и ту же тему пишут несколько диссертаций с разными формулировками их названий. Известны и отдельные печальные факты, когда неактуальность темы выявляется после завершения работы. В этих случаях сила и энергия ученых тратятся впустую. При широком же обсуждении первоначальных проспектов докторских и планов кандидатских диссертаций на заседаниях координационных советов и их секций подобные нежелательные случаи можно устранить.

Координационные советы должны широко обсуждать вопросы методологии научных исследований, дискуссионные, малоизученные проблемы науки и тем самым способствовать разработке общей точки зрения по этим проблемам. Научная координация предполагает также заслушивание докладов руководителей научных учреждений, заведующих кафедрами по основным направлениям исследований. Таким образом, можно определить пути и задачи дальнейших исследований, объединить усилия нескольких институтов или кафедр на разработке конкретных тем. Это — наиболее целесообразная форма кооперации научных исследований.

Наша задача — изучить накопленный опыт, выявить упущения и недостатки и превратить координационные советы в действенные центры, способствующие определению главных направлений в развитии общественных наук с учетом насущных задач сегодняшнего дня.

Ныне назрела необходимость определения конкретных норм работы для научных работников, объективных критериев качества и эффективности научных исследований.

Пока в научно-исследовательских институтах имеется слабое представление о научно обоснованных нормах отдачи со стороны каждого научного работника. Поэтому наряду с плодотворно работающими высококвалифицированными учеными там имеется определенное, хотя и незначительное, количество людей, которые, аккуратно получая заработную плату, в течение ряда лет не дают качественную научную продукцию. Отсутствие четко определенных критериев качества и объема научной нагрузки препятствует эффективному использованию имеющихся научных сил, комплектованию институтов высококвалифицированными кадрами. Безусловно, трудно установить нормы научных исследований путем формального определения объема подготовленных и опубликованных работ. Бывают такие труды, которые, несмотря на малый объем, являются новым словом в науке, показывают творческий подход автора к изучаемой проблеме, имеют важное практическое значение. Вместе с тем нередко в толстых, объемистых рукописях мы не находим ничего нового, оригинального, самостоятельных, творческих идей и выводов автора.

Все это диктует необходимость хорошо продуманной выработки определенных критериев, норм научной работы для каждого научного сотрудника, критериев эффективности завершенных исследований. В Институте экономики АН УзССР в этом плане накоплен хороший

опыт. Он был широко обсужден при участии руководителей других научных учреждений, но, к сожалению, не везде еще этому важному вопросу уделяется должное внимание. Между тем круг и тематика научных исследований с каждым годом расширяются, а выполнять их следует не путем увеличения штатных единиц, а на основе максимально эффективного и рационального использования имеющихся научных сил.

Возрастание роли общественных наук в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни общества зрелого социализма требует систематического повышения научного и идейно-теоретического уровня, общей методологической подготовки ученых. В связи с этим на первое место выдвигаются вопросы глубокого изучения марксистско-ленинской методологии — теоретической основы развития общественных наук в тесной связи с постоянно возрастающими потребностями общества.

От дальнейшей творческой разработки вопросов методологии общественных наук и повышения идейно-теоретического уровня кадров зависят степень приближения научных исследований к конкретным, актуальным задачам коммунистического строительства, повышения их качества и эффективности. Методология общественных наук — это диалектико-материалистическое понимание единства исторического процесса в целом. Именно теоретические проблемы диалектического, исторического материализма, разработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом, развитые В. И. Лениным, обогащенные практикой социалистического и коммунистического строительства, опытом международного коммунистического и рабочего движения, являются фундаментом глубокого изучения и всеобъемлющего научного обобщения политического, социально-экономического, духовного развития общества. Сама методология науки постоянно обогащается на основе развития конкретных наук, обобщения опыта политического, социально-экономического и духовного прогресса.

Сейчас достигнуты определенные успехи в области разработки общей научной методологии естественных наук. Что касается методологии общественных наук, то эта проблема изучается и разрабатывается пока слабо. В планах научно-исследовательских институтов, кафедр общественных наук мало тем, связанных с разработкой методологии конкретных общественных наук. Недостаточно поставлены изучение и разработка конкретных форм и путей повышения уровня методологических знаний ученых.

Все это порождает недооценку со стороны отдельных ученых роли марксистско-ленинской методологии в развитии науки, повышении качества и эффективности научных исследований. Слабой методологической подготовкой ученых обусловлены отдельные ошибки, допускаемые в исторической, историко-партийной, экономической и других науках. Например, совершенно несовместимы с марксистско-ленинской методологией идеализация прошлого, раздувание при изучении определенных вопросов или этапов исторического развития национальных или региональных особенностей в ущерб общим закономерностям развития, проявление национальной ограниченности, национального эгонизма или национальной замкнутости при освещении событий прошлого, неумение отделить классовые антагонизмы от внутренних этнических взаимоотношений, в определении сущности государства в условиях классового эксплуататорского общества и т. д.

Известно, что история не есть чередование отдельных событий, фактов и процессов. Развитие исторического процесса составляет единое целое. Он состоит из диалектической совокупности, единства и сочета-

ния социально-политических, экономических, духовных процессов. Для глубокого изучения истории ученым необходимо глубоко знать общие закономерности развития человеческого общества, законы экономического, социально-политического и культурного развития, их проявления на конкретных этапах исторического прогресса. Изучение всех процессов в тесном единстве, связывание каждого факта или события с общими закономерностями развития и конкретно-историческими особенностями, условиями и возможностями того или иного периода обеспечивают подлинно научное понимание конкретных вопросов общественных наук.

Единство, связь, взаимозависимость и взаимообусловленность исторических событий — ключ к правильному пониманию поступательного развития общества. Этого марксистско-ленинского положения следует строго придерживаться и при освещении вопросов этнической истории народов Средней Азии. К сожалению, в отдельных научных работах, посвященных средневековой истории народов Средней Азии, допускается отделение этнической истории одного народа от истории других народов. Уход в сторону национального эгоизма, национальной ограниченности в изучении вопросов истории общественно-философской мысли, этнической истории народов Средней Азии — это конкретное проявление слабой методологической подготовки отдельных ученых.

Единством, взаимосвязанностью и взаимообусловленностью всех сторон политического, социально-экономического, духовного развития человеческого общества определяются связи всех общественных наук. Общественные науки не могут развиваться изолированно друг от друга в силу взаимозависимости, единства изучаемых ими явлений. Объектом научных исследований историков, экономистов, философов, правоведов, литературоведов, языковедов, археологов и других специалистов являются взаимосвязанные события конкретных исторических периодов политического, социально-экономического, духовного развития человеческого общества. А это, в свою очередь, выдвигает на первый план задачу установления тесных контактов, творческих связей между всеми учеными-обществоведами. К сожалению, мы еще не добились установления в достаточной мере научно обоснованных контактов между обществоведами. Нередко эта связь ограничивается участием экономистов, философов, юристов, историков и других в подготовке какой-либо монографии или сборника статей, где каждый из них выступает с самостоятельной статьей по своей специальности.

Связь ученых-обществоведов должна заключаться в их совместном участии, в разработке конкретных взаимосвязанных научных проблем. Сейчас, например, в Институте истории АН УзССР готовится трехтомная работа «История развития культуры народов Узбекистана». Она может быть подготовлена на высоком научном, идейно-теоретическом уровне только при участии в ее написании историков, археологов, философов, филологов, искусствоведов.

Задачи дальнейшего повышения идейно-теоретического уровня научных исследований и разработки общих вопросов методологии науки имеют прямое отношение к повышению качества и эффективности научных исследований, подготовке квалифицированных кадров.

Высокая идейно-теоретическая подготовка ученых не обеспечивается в течение короткого времени. Это — результат длительной воспитательной работы, осуществляемой в учебных заведениях, научных учреждениях, всей системы нашей политико-воспитательной работы.

В повышении научного, идейно-теоретического уровня научных работников большое место занимает учеба в аспирантуре. Аспирантура по существу является важным этапом научной, идейно-теоретической за-

калки будущих высококвалифицированных специалистов. В аспирантуре занимаются люди с законченным высшим образованием, проявившие склонность и способности к самостоятельным научным исследованиям. Здесь начинаются первые шаги молодого исследователя. Именно здесь мы имеем реальные возможности для глубокого вооружения будущих ученых марксистско-ленинской методологией. От степени идейно-теоретической подготовки кадров через аспирантуру во многом зависят высокий уровень научных исследований, подготовляемых молодыми учеными, будущее нашей науки.

Однако формы и методы подготовки молодых ученых через аспирантуру порой не отвечают этим серьезным требованиям, обусловленным постоянно растущими потребностями общества. В аспирантуре главное внимание уделяется разработке молодым исследователем очень узкой научной проблемы, скорейшему завершению этой работы. Закончить в срок диссертацию — вот чего прежде всего ждут от аспиранта. Вопросы же формирования общего кругозора, высокой идейно-теоретической подготовки иногда отодвигаются на второе место. В этом и кроется одна из самых серьезных причин слабости общей идейно-теоретической подготовки многих молодых специалистов, в том числе по общественным наукам.

В качестве примера можно привести практику приема кандидатских экзаменов. Кандидатский экзамен — это экзамен на теоретическую, научную зрелость, проверка общей эрудиции, широты кругозора и способностей молодого исследователя. В отдельных случаях, однако, кандидатские экзамены по существу не отличаются от экзаменов, практикуемых в вузах. Человек, сдавший кандидатский экзамен по марксистско-ленинской философии, порой проявляет исключительно слабую теоретическую и методологическую подготовку. Зная философию на уровне общих учебников, трудно четко представить себе ее методологическое значение и применять в конкретных научных исследованиях.

Теоретическая, идейная незрелость исследователя передается его научным трудам и через них большой массе читателей. Предъявляя слабые требования к уровню идейно-теоретической подготовки кадров, мы не вырабатываем у молодых специалистов внутреннюю потребность к изучению и усвоению теоретических, методологических проблем наук. Так у некоторых исследователей создается неправильное представление о кандидатских экзаменах по общественным наукам как о лишнем, ненужном барьере на пути к главной цели — защите кандидатской диссертации.

То же самое можно сказать о кандидатских экзаменах по иностранным языкам. Все молодые исследователи сдают экзамены по иностранному языку, получают при этом довольно высокие оценки, но в редких случаях в процессе работы над диссертациями используют зарубежные источники. Определенный либерализм имеет место и в приеме кандидатских экзаменов по специальным дисциплинам.

В подготовке высококвалифицированных специалистов по общественным наукам надо уделять больше внимания единству количества и качества. Погоня за количеством наносит ущерб повышению идейно-теоретического уровня специалистов.

Сейчас в научных учреждениях, высших учебных заведениях нашей республики работает большая армия ученых, специалистов по общественным наукам. Их труды способствуют решению конкретных вопросов социалистического и коммунистического строительства, вооружению масс марксистско-ленинским мировоззрением. Вместе с тем среди научных работников есть и люди, имеющие слабую научную и идейно-

теоретическую подготовку. Когда мы говорим об общем количестве специалистов по общественным наукам, то перечисляем имена сотен докторов и тысяч кандидатов наук, но когда встает вопрос о разработке какой-либо серьезной научной проблемы, то начинаем из числа ученых искать способных самостоятельно и творчески разработать ту или иную проблему. Это говорит о том, что наличие высокой ученой степени или звания не всегда свидетельствует о способности научного работника к самостоятельным исследованиям.

Есть и такие научные работники, которые после защиты диссертации совершенно прекращают самостоятельную, творческую, продуктивную научную работу. Но ученая степень или звание — это не привилегия для получения высокой заработной платы, а свидетельство о способности данного ученого к самостоятельным творческим поискам. Настоящий ученый — не тот, кто напишет какую-либо общую статью лишь для отчета, а тот, кто может не работать над проблемами науки, всегда испытывает внутреннюю потребность в этом.

Большое значение в подготовке высококвалифицированных специалистов по общественным наукам имеет защита докторских и кандидатских диссертаций. КПСС и Советское правительство в последние годы обращают все больше внимания на постоянное повышение научного и практического значения, идейного и теоретического уровня диссертаций. Большую роль в этом сыграло постановление Президиума ВАКа о повышении требований к научным исследованиям, сближении их с задачами социалистического и коммунистического строительства.

С учетом задач, поставленных XXVI съездом КПСС, необходимо всемерно добиваться дальнейшего повышения требований к научному, идейно-теоретическому уровню диссертаций. Диссертации надо готовить не просто ради защиты и получения ученой степени, а прежде всего для решения сложных, наиболее актуальных проблем науки, задач социалистического и коммунистического строительства.

В нашей республике за последние годы достигнуты большие успехи в повышении научного, идейно-теоретического уровня докторских и кандидатских диссертаций. Выводы и рекомендации ученых, изложенные в диссертациях, способствуют дальнейшему улучшению фундаментальных и прикладных проблем науки.

Сейчас в специализированных советах, на кафедрах обращается большое внимание на сокращение объема диссертаций. Это облегчает работу соискателей, научного руководителя, оппонентов и других специалистов, имеющих отношение к данному исследованию. Но сокращение объема диссертации не всегда сопровождается обеспечением высокого научного и идейно-теоретического уровня.

Защита диссертации — это процесс формирования идейно и научно подготовленного молодого научного работника, одна из основных форм развития общественных наук. Поэтому организация и проведение защиты на необходимом научном, идейно-теоретическом уровне — это партийный долг, дело чести и совести каждого ученого, это проявление чувств ответственности за будущее науки. На практике сейчас допускается определенный либерализм в оценке содержания диссертации, публикаций по теме работы. Нередко в списки опубликованных работ включаются тексты лекций, небольшие статьи и заметки, не имеющие прямого отношения к основным положениям диссертации.

Ныне в процессе подготовки диссертации, ее обсуждения на кафедрах, ученых советах больше внимания обращается на практические выводы и рекомендации ученых. Изучая в течение ряда лет исторические события, реальные процессы современного политического, социально-

экономического, духовного развития, исследователи, естественно, приходят к определенным выводам, заключениям, практическим рекомендациям. Это несомненное свидетельство творческого развития науки, повышения ее практического значения. Но нередко после защиты диссертации об этих рекомендациях, выводах и предложениях забывают. Они не становятся достоянием тех, кто мог бы применить их в научных исследованиях, практической работе. Было бы целесообразно, чтобы специализированные ученые советы в своих отчетах писали не только о количестве защищенных диссертаций, но и о характере, степени внедрения в жизнь выводов и рекомендаций. В этом надо видеть один из критериев эффективности работы специализированных советов.

Одним из серьезных недостатков в развитии общественных наук является эмпиризм, описательность, фактология. Конечно, общественные науки не могут развиваться без изучения фактов, без наблюдения постоянно развивающихся процессов повседневной жизни. Но сила науки, ее практическое, познавательное и воспитательное значение не достигаются только количеством собранных фактов.

Наука, опираясь на изучение, анализ фактов, открывает объективные законы развития, посредством научных обобщений и выводов способствует разрешению назревших вопросов теории и практики. Под любой наукой мы понимаем изучение и обобщение совокупности определенной, взаимосвязанной системы объективных процессов. Законы науки не познаются перечислением фактов, а открываются на основе их глубокого анализа, обобщения. Без этого не может быть и речи о развитии общественных наук, превращении их в мощный фактор развития социально-экономической, политической и духовной жизни общества.

Без серьезных теоретических обобщений и выводов общественные науки не могут способствовать разрешению тех больших задач, которые поставлены Коммунистической партией и потребностями дальнейшего развития общества.

Эмпиризм, фактология, описательность ослабляют живую, творческую, активную, созидательную силу науки, не способствуют постоянному углублению и развитию научных изысканий. Следует учесть, что от эмпиризма до позитивизма остается только один шаг. Эмпиризм, тавтология и описательность являются прямым выражением низкого идейно-теоретического уровня научных исследований. Факты могут собирать все, но настоящий ученый должен уметь их осмыслить, проанализировать, обобщить на должном идейно-теоретическом уровне и сделать необходимые выводы. Иногда новый архивный материал выдается как новое слово в науке. Несомненно, что новый факт или материал имеет определенное значение в развитии науки. Но это значение реально проявляется только тогда, когда новые факты становятся основой для новых теоретических обобщений и выводов, способствующих более глубокому разрешению вопросов истории, теории и практики.

Следует уделить также больше внимания пропаганде достижений общественных наук. За последние годы Издательства «Фан», «Узбекистан» и другие выпустили большое количество исследований ученых республики, в которых затрагиваются конкретные актуальные проблемы общественных наук. Но, к сожалению, ученые-обществоведы Узбекистана очень редко публикуют свои статьи в общесоюзных журналах. На страницах некоторых центральных журналов в течение последних лет не появилось ни одной статьи ученых Узбекистана, посвященной актуальным проблемам науки. Этот вопрос специально был обсужден на совещании сотрудников АН УзССР, где принимали участие руководители институтов, заведующие отделами и секторами. На совещании были

определены конкретные меры по дальнейшей активизации выступлений ученых со статьями на страницах центральных, а также зарубежных периодических изданий.

С учетом огромного международного значения накопленного в нашей стране опыта социалистического и коммунистического строительства возникает необходимость перевода на иностранные языки некоторых работ ученых-обществоведов республики. Эти труды могут быть полезными для марксистско-ленинских партий, революционно-демократических сил стран Азии и Африки в решении стоящих перед ними проблем политического и социально-экономического развития. Особенно актуальны в этом отношении работы, посвященные вопросам становления и развития многонационального Советского государства, осуществления ленинской национальной политики, проблемам теории и практики некапиталистического пути развития.

Нет сомнения, что ученые-обществоведы нашей республики, вдохновленные решениями XXVI съезда КПСС и XX съезда Компартии Узбекистана, будут и впредь эффективно использовать все имеющиеся возможности и способствовать глубокому изучению актуальных проблем науки, разрешению конкретных вопросов социально-экономического и духовного развития нашей страны в условиях зрелого социализма.

Д. Г. ЮЛДАШЕВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ УЗБЕКИСТАНА В ЧЕСТЬ XXVI СЪЕЗДА КПСС

Социалистическое соревнование и его высшая форма — движение за коммунистическое отношение к труду — является важнейшим средством активизации творческой инициативы масс для еще более широкого вовлечения их в коммунистическое строительство. Оно стало могучим рычагом эффективного воздействия на все стороны экономической деятельности и на личность участников этого массового движения.

«Для нас, — говорил Л. И. Брежнев на июльском (1978) Пленуме ЦК КПСС, — важны конкретные хозяйственные результаты трудового состязания и заложенные в нем большие воспитательные возможности»¹.

Подчеркивая огромное воспитательное значение социалистического соревнования, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов говорил на XX съезде Компартии Узбекистана: «Коммунистическое сознание советских людей проявляется прежде всего в их производственной активности. Этому способствует целенаправленная работа по трудовому воспитанию. Действенным средством слияния политического и трудового воспитания является социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду»².

Эта роль социалистического соревнования с новой силой проявилась в ходе всенародного движения за достойную встречу XXVI съезда КПСС.

Уже в ноябре 1980 г., выступая на заседании Президиума Верховного Совета СССР, Л. И. Брежнев отмечал: «Когда мы говорим о предсъездовском соревновании, то надо иметь в виду его особый характер. Это соревнование за ударный финиш десятой пятилетки, одновременно за такой старт пятилетки будущей, который позволит нам набрать нужный темп для дальнейшего движения вперед. Поэтому исключительно важно, что это соревнование стало подлинно всенародным»³.

Особенно усилился накал соцсоревнования после выхода в свет в конце июля 1980 г. постановления ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС», в котором подчеркивалось, что в ходе предсъездовского соревнования следует со всей настойчивостью бороться за повышение эффективности производства и качества работы, за ускоренный рост производительности труда, строгое соблюдение режима экономии, укрепление трудовой и государственной дисциплины⁴. В этом важном документе перед участниками

¹ Брежнев Л. И. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. — Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 7. М., 1979, с. 434.

² «Правда Востока», 1981 г., 4 февраля.

³ «Правда», 1980 г., 19 ноября.

⁴ «Правда», 1980 г., 27 июля.

соревнования были поставлены конкретные задачи. Решая их, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации провели на местах большую политико-воспитательную работу, направленную на то, чтобы шире вовлечь в соревнование все слои трудящихся, как можно лучше организовать соревнование, обеспечить его высокую эффективность.

Коллективы промышленных предприятий Узбекистана широко поддержали призыв: «Пятилетке — ударный финиш, XXVI съезду КПСС — достойную встречу!» Передовики производства показывали все новые образцы самоотверженного, творческого труда. Так, уже в августе 1980 г. знатные ткачихи Ташкентского текстильного комбината Н. В. Ершова, Л. П. Казанцева, В. И. Солдатова гораздо раньше обещанного срока выполнили повышенные социалистические обязательства, завершив личные планы двух пятилеток⁵. Крупных успехов добились и многостаночницы комбината — В. И. Кузнецова, Н. П. Лапкина, К. Якубаева и др.

На Наманганском комбинате авровых тканей передовик производства А. Инамов за 3,5 года выполнил задания двух пятилеток и обязался до конца пятилетки выполнить еще один пятилетний план⁶. На Маргиланском производственном объединении авровых тканей «Атлас» А. Умаров за 4,5 года десятой пятилетки выполнил 9 годовых норм, выработав 69 184 м знаменитого хан-атласа, причем почти полностью первым сортом.

13 августа вышивальщица Самаркандской коврово-художественной фабрики «Труд женщин» С. Лукманова рапортовала о завершении трех пятилетних планов и приняла новое обязательство — к открытию XXVI съезда КПСС выполнить еще полтора годовых задания. Его поддержали другие работницы фабрики.

Летом 1980 г. с призывом: «К XXVI съезду — 26 ударных декад» — выступили рабочие Самарканда: девять предприятий Железнодорожного района и 2700 передовиков производства, выполнивших к тому времени план десятой пятилетки.

Их почин был одобрен Самаркандским горкомом партии, который предложил широко распространить его среди всех коллективов промышленных предприятий города. Это начинание было поддержано и рабочими Ташкента, Намангана, Андижана, Бухары, Алмалыка, Чирчика и других городов республики. Только в Самарканде его подхватили более 50 трудовых коллективов.

К середине августа 1980 г. в целом по Узбекистану пересмотрели свои обязательства и наметили новые высокие рубежи коллективы свыше 4 тыс. предприятий,строек, хозяйств, 35 тыс. бригад, ферм и цехов, около 1 млн. новаторов производства⁷.

26 августа 1980 г., когда до открытия XXVI съезда КПСС оставалось 26 недель, по почину передовых рабочих промышленных предприятий Москвы в Узбекистане началась ударная вахта под девизом — «XXVI съезду КПСС — 26 ударных недель». Участвуя в этом движении, хороших результатов добились коллективы таких предприятий, как «Ташсельмаш», Джизакская трикотажная фабрика, Ташкентский мраморный завод, Бухарское ткацкое объединение, производственное объединение «Малика» и др.

⁵ «Вечерний Ташкент», 1980 г., 15 августа.

⁶ «Совет Узбекистана», 1980 г., 3 августа.

⁷ «Правда Востока», 1980 г., 15 августа.

Коллектив Чартакского хлопкозавода, работавший уже в счет 1984 г., решил ко дню открытия съезда рапортовать о выполнении заданий 11-й пятилетки. Коллектив Ферганской шелкомотальной фабрики обязался выполнить задания десятой пятилетки 13 декабря 1980 г. и выработать сверх плана 22 т шелка-сырца⁸. Ежедневно перевыполняли задания литейщики медеплавильного завода в Алмалыке⁹ и т. д.

В результате самоотверженных усилий тружеников промышленности республики к сентябрю 1980 г. более 180 тыс. передовиков производства, свыше 8 тыс. бригад, участков, цехов, сотни предприятий завершили пятилетние задания. К 63-й годовщине Великого Октября пятилетние планы выполнили 1300 предприятий, более 20 тыс. цехов, участков, бригад и 420 тыс. передовиков производства УзССР¹⁰.

В начале ноября 1980 г. в Ташкенте состоялся торжественный митинг, на котором был принят текст приветственного письма Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу в ответ на поздравление ЦК КПСС в связи с успешным выполнением УзССР повышенных социалистических обязательств 1980 г. и плана десятой пятилетки по продаже государству хлопка-сырца, зерна, овощей и других сельскохозяйственных продуктов. В письме отмечалось: «Готовясь достойно встретить XXVI съезд родной партии, призванный наметить новые рубежи коммунистического строительства, рабочие, колхозники и интеллигенция республики, встав на ударную предсъездовскую вахту и широко развернув социалистическое соревнование, наметили добиться новых высот в завершающем году пятилетки, заложить хорошую основу для плодотворной работы в одиннадцатой пятилетке»¹¹.

Мощным стимулом для дальнейшего подъема творческих сил тружеников промышленности Узбекистана стала публикация в начале декабря 1980 г. проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии — «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Обсуждая этот важнейший партийный документ, рабочие и инженерно-технические работники принимали новые социалистические обязательства. Росли ряды участников соревнования во всех отраслях народного хозяйства УзССР. К концу 1980 г. более 4 млн. человек, или 93,5% работающих, были охвачены теми или другими формами социалистического соревнования, 2572 тыс. человек участвовали в борьбе за звание ударников коммунистического труда, а 885 тыс. передовиков уже завоевали это звание¹².

В предсъездовском соревновании, в авангарде которого шли коммунисты, активное участие принимали комсомольцы и рабочая молодежь. Молодые труженики промышленности республики стремились ознаменовать каждый предсъездовский день новыми успехами. Это ярко проявилось в ходе Всесоюзной эстафеты комсомольских дел, проходившей под девизом: «Десятой пятилетке — ударный финиш, XXVI съезду КПСС — достойную встречу!»

К концу ноября 1980 г. 180 тыс. молодых передовиков производства, 2,5 тыс. комсомольско-молодежных бригад рапортовали о выполне-

⁸ Там же.

⁹ «Правда», 1980 г., 28 августа.

¹⁰ Текущий архив Узсовпрофа. Материалы Пленума Узсовпрофа, состоявшегося в ноябре 1980 г.

¹¹ «Правда Востока», 1980 г., 6 ноября.

¹² Рашидов Ш. Р. Ударный финиш, отличный старт. — «Труд», 1980 г., 28 декабря.

нии пятилетних заданий, а полмиллиона юношей и девушек работали с опережением графиков¹³.

Ударный труд коллективов промышленных предприятий республики, их стремление ознаменовать всесоюзный партийный форум новыми производственными достижениями увенчались успехом. 26 декабря предприятия промышленности республики рапортовали о досрочном выполнении годового плана¹⁴.

Успешно завершив планы 1980 г. и десятой пятилетки в целом, труженики промышленности Узбекистана с большим энтузиазмом приступили к выполнению плана первого года 11-й пятилетки, года XXVI съезда КПСС. Многие коллективы промышленных предприятий обязались выполнить план первого квартала 1981 г. ко дню открытия съезда. Они с честью сдержали свое слово. Так, коллективы промышленных предприятий Ташкента, объявив период работы XXVI съезда КПСС днями ударной работы, досрочно, 26 февраля 1981 г., завершили план января-февраля по объему реализации промышленной продукции и выпуску большинства важнейших видов изделий. Более 31 тыс. передовиков, коллективы 24 предприятий города выполнили планы двух месяцев к открытию XXVI съезда КПСС¹⁵.

Достоинно встретили труженики столицы республики и XX съезд Компартии Узбекистана. Коллективы 63 цехов, 338 участков и бригад, более 7000 передовиков производства рапортовали о выполнении плана января-февраля 1981 г. ко дню открытия форума коммунистов Узбекистана¹⁶.

В Андижанской области в соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС участвовали 340 тыс. рабочих, колхозников, ИТР, 520 коллективов предприятий промышленности, транспорта, строительства; 5 тыс. цехов, бригад, участков и ферм приняли повышенные обязательства¹⁷.

В ходе соревнования росло число коллективов коммунистического труда. Так, к февралю 1981 г. более 350 предприятий, свыше 11 тыс. цехов и 35 тыс. бригад были удостоены почетного звания коллектива коммунистического труда¹⁸.

Таких примеров можно привести очень много. Они убедительно свидетельствуют о поистине всенародном размахе социалистического соревнования в честь XXVI съезда КПСС.

Высоко оценивая значение этого массового проявления патриотизма и тесной сплоченности всех советских людей вокруг ленинской партии, Л. И. Брежнев в речи при закрытии съезда сказал: «Как торжественный салют в честь съезда партии Ленина, как мощная поддержка его работы прозвучали в эти дни тысячи рапортов о трудовых победах советских людей, посвященных XXVI съезду КПСС. Рабочие заводов и электростанций, труженики полей, мастера животноводства, строители, транспортники, деятели науки и культуры порадовали Родину новыми достижениями, новыми славными делами. Мне хотелось бы от имени всех делегатов обратиться к участникам предсъездовского соревнования со словами искренней признательности за их высокий патриотизм, за это замечательное проявление единства помыслов, целей и дел партии и всего народа!»¹⁹

¹³ «Правда Востока», 1980 г., 27 ноября.

¹⁴ «Совет Узбекистана», 1980 г., 26 декабря.

¹⁵ «Правда Востока», 1981 г., 27 февраля.

¹⁶ «Вечерний Ташкент», 1981 г., 20 февраля.

¹⁷ «Андижанская правда», 1981 г., 9 января.

¹⁸ «Правда Востока», 1981 г., 4 февраля.

¹⁹ «Правда», 1981 г., 4 марта.

Всенародное социалистическое соревнование в честь XXVI съезда КПСС стало мощным фактором нового подъема творческой активности масс в борьбе за успешное претворение в жизнь величественных планов коммунистического созидания.

Д. Г. Юлдашева

**ЎЗБЕКИСТОН САНОАТИДА КПСС XXVI СЪЕЗДИ ШАРАФИГА
СОЦИАЛИСТИК МУСОБАҚА**

Мақолада Ўзбекистон саноатидан олинган конкрет материал асосида КПСС нинг XXVI съезди шарафига бутун мамлакат миқёсида умумхалқ социалистик мусобақаси авж олганлиги, бу мусобақада совет кишиларининг ватанпарварлиги, уларнинг Коммунистик партия ва унинг Марказий Комитети теварагида мустақкам жилслашганлиги кўрсатиб берилган.

Я. Е. ПЕСИН

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОМ АРБИТРАЖЕ В СССР

В соответствии со ст. 163 Конституции СССР (ст. 174 Конституции Узбекской ССР), разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями осуществляется органами государственного арбитража.

Включение государственного арбитража в число конституционных органов усиливает его авторитет и предъявляет новые требования к повышению качества и эффективности всей деятельности госарбитража.

Руководствуясь положениями Советской Конституции, вторая сессия Верховного Совета СССР 10-го созыва утвердила 30 ноября 1979 г. Закон о Государственном арбитраже в СССР.

Согласно Закону, органы государственного арбитража разрешают хозяйственные споры в точном соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Задачами органов государственного арбитража являются:

обеспечение защиты прав и охраняемых законом интересов предприятий, учреждений и организаций при разрешении хозяйственных споров;

активное воздействие при разрешении хозяйственных споров на предприятия, учреждения и организации в целях обеспечения соблюдения ими социалистической законности, выполнения плановых заданий и договорных обязательств, борьба с проявлениями местничества и ведомственности в хозяйственной деятельности; неуклонное применение установленных законодательством или договором мер имущественной ответственности за нарушения государственной дисциплины, допускаемые при выполнении плановых заданий и договорных обязательств;

обеспечение единообразного и правильного применения законодательства при разрешении хозяйственных споров;

содействие улучшению договорной и претензионной работы в народном хозяйстве, предупреждение нарушений законности в хозяйственной деятельности предприятий, учреждений и организаций;

разработка предложений и осуществление мер, направленных на совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности.

В своей деятельности органы государственного арбитража всемерно используют правовые средства в целях усиления охраны социалистической собственности, укрепления хозяйственного расчета, усиления режима экономии и устранения потерь в народном хозяйстве, повышения роли договоров, развития рациональных хозяйственных связей и сотрудничества между предприятиями, учреждениями и организациями. Органы госарбитража активно содействуют динамичному, планомерному и пропорциональному развитию народного хозяйства, ускорению науч-

но-технического прогресса, повышению эффективности общественного производства и качества работы, улучшению конечных результатов хозяйственной деятельности.

Государственный арбитраж является специальным органом, призванным разрешать хозяйственные споры между предприятиями, учреждениями и организациями, обеспечивающим укрепление договорной и плановой дисциплины, хозяйственного расчета.

Большую роль в выполнении государственного плана экономического и социального развития играют хозяйственные договоры, которые обязаны заключать между собой предприятия и организации.

Договоры связывают социалистические организации взаимными обязательствами, организуют их взаимоотношения по выполнению плана, конкретизируют их права и обязанности в соответствии с плановым заданием, уточняют сроки выполнения плановых заданий, определяют порядок выполнения сторонами взаимных обязательств и дают возможность усилить контроль за выполнением плановых заданий¹.

Невыполнение хозяйственных договоров является нарушением государственной дисциплины и влечет за собой имущественную ответственность.

Выступая на октябрьском (1980) Пленуме ЦК КПСС, Л. И. Брежнев отметил, что механизм управления и планирования, методы хозяйствования и исполнительскую дисциплину надо поднять на уровень современных требований, чтобы обеспечить поворот к эффективности, перевод народного хозяйства на путь интенсивного развития².

Обеспечение строгого соблюдения социалистической законности, единообразного и правильного применения законов и других законодательных актов Союза ССР и союзных республик и других нормативных актов, государственных планов экономического и социального развития при разрешении хозяйственных споров служит необходимым условием выполнения задач, поставленных партией и правительством перед органами госарбитража.

В СССР действуют следующие арбитражи:

при Совете Министров СССР — Государственный арбитраж СССР;

при Советах Министров союзных республик — государственные арбитражи союзных республик;

при Советах Министров автономных республик — государственные арбитражи автономных республик (например, госарбитраж при Совете Министров ККАССР);

при исполнительных комитетах краевых, областных Советов народных депутатов — государственные арбитражи краев, областей (в УзССР имеется 11 областных арбитражей).

Все они составляют единую систему госарбитража в СССР, которая включает в себя 156 арбитражей.

Руководство Государственным арбитражем СССР осуществляет Совет Министров СССР. Будучи союзно-республиканским органом, Госарбитраж СССР осуществляет руководство всеми органами государственного арбитража, как правило, через государственные арбитражи союзных республик.

Государственный арбитраж СССР несет ответственность за организацию, состояние и совершенствование деятельности всех органов госарбитража.

¹ Арбитражный процесс в СССР. М., 1973, с. 58.

² Брежнев Л. И. Речь на Пленуме ЦК КПСС 21 октября 1980 г. — «Правда», 1980 г., 23 октября.

Руководство госарбитражами союзных республик осуществляют как Советы Министров союзных республик, так и Госарбитраж СССР. Госарбитражи союзных республик являются союзно-республиканскими органами союзных республик и осуществляют руководство нижестоящими органами госарбитража.

Руководство госарбитражами автономных республик, краев и областей осуществляют как органы, при которых они действуют, так и вышестоящие госарбитражи.

Государственный арбитраж разрешает споры между государственными, кооперативными (кроме колхозов, межколхозных и государственно-колхозных предприятий, организаций и их объединений) и другими общественными предприятиями, учреждениями и организациями, возникающие при заключении, изменении, расторжении договора (преддоговорные споры) и исполнении хозяйственных договоров (имущественные споры), либо по другим основаниям, за исключением случаев, когда разрешение таких споров законодательством Союза ССР отнесено к ведению иных органов.

Государственный арбитраж СССР и госарбитраж союзной республики разрешают наиболее важные споры, отнесенные к их ведению законодательством Союза ССР.

Государственный арбитраж СССР разрешает:

1. Споры между сторонами, находящимися на территории разных союзных республик, возникающие при заключении, изменении и расторжении хозяйственных договоров (преддоговорные споры) на сумму свыше 5 млн. руб., а также при исполнении договоров (имущественные споры) и по другим основаниям при цене иска свыше 50 тыс. руб.

2. Другие споры, отнесенные к ведению Госарбитража СССР.

Государственный арбитраж СССР вправе в пределах подведомственности споров органам государственного арбитража принять к своему производству и разрешить любой спор либо возбудить дело по своей инициативе.

Государственный арбитраж Узбекской ССР разрешает:

1. Споры между сторонами, находящимися на территории разных союзных республик, возникающие при заключении, изменении и расторжении договоров (преддоговорные споры) на сумму свыше 2 млн. руб., но не более 5 млн. руб., а также при исполнении договоров (имущественные споры) и по другим основаниям при цене иска свыше 20 тыс. руб., но не более 50 тыс. руб.

2. Споры между сторонами, находящимися на территории ККАССР и разных областей УзССР, возникающие при заключении, изменении и расторжении хозяйственных договоров на сумму свыше 2 млн. руб., а также при исполнении договоров и по другим основаниям при цене иска свыше 20 тыс. руб.

3. Другие споры, отнесенные к ведению государственного арбитража Узбекской ССР законодательством Союза ССР.

Если предприятия, учреждения, организации — ответчики, поставщики, подрядчики или оказывающие услуги — находятся в районе или городе, не входящих в ККАССР или область, споры разрешаются госарбитражем Узбекской ССР, кроме споров, отнесенных к ведению Госарбитража СССР.

Госарбитраж Узбекской ССР вправе в пределах подведомственности споров госарбитражу УзССР принять к своему производству и разрешить любой спор либо возбудить дело по своей инициативе.

Госарбитраж ККАССР, областной арбитраж разрешают подведомственные органам госарбитража споры между предприятиями, учреж-

дениями и организациями, кроме споров, отнесенных к ведению Госарбитража СССР и госарбитража Узбекской ССР. Госарбитраж ККАССР, области вправе также в пределах подведомственности споров данному арбитражу возбудить дело по своей инициативе.

Государственные арбитражи, в соответствии с положениями о них, рассматривают все хозяйственные споры, кроме:

споров колхозов, межколхозных и государственно-колхозных предприятий, организаций и их объединений с государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями и организациями, а также между собой;

споров, возникающих при заключении договоров, не основанных на обязательном для обеих сторон плановом задании, если иное специально не предусмотрено законодательством или соглашением сторон;

споров по налогам и неналоговым платежам, изыскиваемым в госбюджет в соответствии с Положением о взыскании не внесенных в срок налогов и неналоговых платежей;

споров на сумму менее 100 руб.;

споров между предприятиями, учреждениями и организациями одного министерства, государственного комитета, ведомства, кооперативной системы или иной общественной организации, а также в других случаях, предусмотренных правилами рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами.

Предприятия, учреждения и организации вправе обращаться в установленном порядке в госарбитраж за защитой нарушенных, оспариваемых или охраняемых законом интересов.

Госарбитраж возбуждает дела по заявлениям заинтересованных предприятий, учреждений и организаций, обращающихся в арбитраж за защитой нарушенных либо оспариваемых прав и охраняемых законом интересов; по заявлениям вышестоящих органов, обращающихся в арбитраж в интересах входящих в их систему предприятий, учреждений и организаций; по заявлению органов государственного управления, обращающихся в арбитраж в случаях, предусмотренных законодательством, по своей инициативе.

Одно из условий принятия госарбитражем иска к производству — соблюдение истцом претензионного порядка, т. е. принятие им мер к урегулированию спора непосредственно с ответчиком до обращения в госарбитраж. В соответствии с действующими правилами, спор может быть передан на разрешение госарбитража лишь после принятия сторонами мер к непосредственному урегулированию его в установленном порядке.

Возбуждение дел по инициативе госарбитража производится независимо от соблюдения предприятиями, учреждениями и организациями порядка непосредственного урегулирования спора.

Рассмотрение хозяйственных споров производится госарбитражем в составе председательствующего государственного арбитра или главного государственного арбитра либо его заместителя и представителей сторон.

Требования государственного арбитра, предъявляемые в пределах прав госарбитража в связи с рассмотрением спора, обязательны для всех предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц.

Сторонами в спорах, разрешаемых госарбитражем, истцами и ответчиками могут быть предприятия, учреждения и организации, являющиеся юридическими лицами. Истцами являются предприятия, учреждения и организации, предъявившие иск, или в интересах которых предъявлен иск, либо возбуждено дело, а ответчиками — предприятия,

учреждения и организации, против которых направлено исковое требование.

Каждая из сторон пользуется при рассмотрении хозяйственных споров в госарбитраже равными процессуальными правами. Стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами, взаимно проявляя уважение к правам и законным интересам другой стороны, принимать меры к всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств дела.

Дело в госарбитраже возбуждается путем подачи искового заявления в письменной форме с оплатой государственной пошлины в установленных законом размерах.

Вопрос о принятии искового заявления разрешается государственным арбитром. Споры должны быть рассмотрены госарбитражем в срок не более одного месяца со дня получения искового заявления или возбуждения дела по инициативе госарбитража.

Решение госарбитража принимается государственным арбитражем и участвующими в рассмотрении спора представителями сторон по результатам обсуждения всех обстоятельств дела в заседании арбитража. При этом государственный арбитр способствует достижению соглашения между сторонами.

В случаях, когда между представителями сторон не достигнуто соглашение, либо соглашение сторон не соответствует требованиям закона или материалам дела, либо спор рассматривается без участия представителей обеих сторон или одной из них, решение принимается государственным арбитром, а при рассмотрении спора тремя государственными арбитрами — большинством голосов арбитров.

Решение излагается в письменной форме. Оно должно быть законным и обоснованным. Решения государственного арбитража (решение, постановление, определение) вступают в силу немедленно после их принятия и обязательны к исполнению всеми предприятиями, учреждениями, государственными комитетами, ведомствами.

Решения государственного арбитража могут быть пересмотрены в порядке надзора по заявлению стороны или вышестоящего по отношению к ней органа, а также по ходатайству министерства, госкомитета, ведомства, по протесту прокуроров или по инициативе государственного арбитража.

Пересмотр решения осуществляется главным государственным арбитром или заместителем главного арбитра арбитража, принявшего решение, а также вышестоящего арбитража. Заявление о пересмотре решения может быть подано не позднее одного месяца после принятия данного решения. Подача заявления о пересмотре решения не приостанавливает его исполнения.

Исполнение решения госарбитража производится в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик на основании выданного госарбитражем приказа, который является исполнительным документом.

Основной фигурой в арбитражном процессе выступает государственный арбитр. Он руководит рассмотрением хозяйственного спора, обеспечивает восстановление нарушенных прав и законных интересов сторон при принятии решения по спору, выявляет в связи с рассмотрением дел нарушения законности, государственной дисциплины и недобросовестности в хозяйственной деятельности предприятий, учреждений и организаций, причины этих нарушений и недостатков, вносит предложения об их устранении и предупреждении, а в необходимых случаях — о привлечении виновных к ответственности.

Государственный арбитр несет ответственность за соблюдение требований законодательства при рассмотрении спора, за законность и обоснованность арбитражного решения.

Таковы основные положения Закона о Государственном арбитраже в СССР, принятие которого, как показывает практика его применения, значительно повысила роль государственного арбитража в укреплении хозяйственного расчета, соблюдении договоров и обязательств сторон, усилении режима экономии, охране социалистической собственности, развитии научно-технического прогресса, повышении качества продукции и эффективности производства.

Я. Е. Песин

**СССР ДАВЛАТ АРБИТРАЖИ ҲАҚИДАГИ
ҚОНУННИНГ АСОСИЙ ҚОИДАЛАРИ**

Ушбу мақолада СССР Олий Советининг 10-чақириқ иккинчи сессияси томонидан 1979 йил 30 ноябрда қабул қилинган СССРда Давлат арбитражи Қонунининг асосий мазмуни ва аҳамияти очиқ берилган.

М. ХАСАНОВ, Ю. ЕГОРОВ, М. МАРУФИ

РОЛЬ КАТЕГОРИЙ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ В ПОЗНАНИИ ЗАКОНОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Развитие системных исследований обусловило особую актуальность вопросов соотношения структуры и процесса, с одной стороны, соотношения функционирования и развития, — с другой. Однако представляется, что эти вопросы являются сторонами более фундаментальной проблемы — соотношения законов функционирования и законов развития. В силу допускаемого отдельными исследователями смещения и даже отождествления этих законов или жесткого противопоставления их целесообразно проанализировать содержание этих законов и их соотношение, используя при этом категории структуры и функции. Такой анализ позволяет рассмотреть не только сущность законов функционирования и развития, но и содержание и специфику категорий структуры и функции, раскрыть их методологическую роль в этом анализе. При этом мы будем исходить и из принципов диалектики как наиболее полной и глубокой теории развития, и из идей системного подхода как совокупности логико-методологических и теоретических средств для адекватного отражения сложных системных образований, которые будут интересовать нас в первую очередь.

В развивающихся объектах всегда существуют две системы связей — функционирования и генезиса. В. И. Ленин, характеризуя общественно-экономическую формацию как органическую целостность, отмечал, что она «является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму превращения в другой социальный организм»¹. Эти связи и законы функционирования и развития, с одной стороны, различны, а с другой, — не могут быть отделены друг от друга без искажения качественной специфики системы, поскольку находятся в диалектическом единстве, предполагая и обуславливая друг друга.

Данное противоречие может быть разрешено таким способом изучения системы, который учитывал бы и функциональный, и генетический ее аспекты. При этом исследование структурной организации системы как «ставшего» состояния должно быть средством для воспроизведения ее генезиса, а знание законов развития должно служить средством для более глубокого понимания структуры функционирования системы в ее развитом состоянии. Поскольку законы структуры и функционирования выражают организацию, определенную связь элементов и структур, присущие целому классу систем, а законы развития характеризуют изменения характера и направления связей в системах и между ними, обуславливают возникновение, качественные изменения и переход одних систем и состояний в другие, то решение вопроса о взаимосвязи законов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 429.

структуры, функционирования и развития способствует, во-первых, выяснению и конкретизации «механизма жизнедеятельности» системы в его различных проявлениях, а во-вторых, — более глубокому пониманию системно-закономерного характера развития.

В теоретическом обращении находятся самые различные определения структуры: материализованная структура, выражающая состав объекта; структура как система отношений элементов, как закон их взаимосвязи и т. д. Поскольку структура представляет собой совокупность связей и отношений между элементами системы, она выступает в виде инварианта системы. Отсюда очевидна связь категории структуры с категорией закона. Законы структуры определяют способ организации системы, и если определенный вид связи элементов необходим и существен для данной системы, то он имеет характер закона ее структуры.

Признание структуры инвариантным аспектом системы, законом строения и функционирования, обеспечивающим качественную специфику и динамическую устойчивость системы, зачастую приводит к отождествлению законов структуры и законов функционирования. Л. А. Друянов, например, считает, что раскрыть структуру данной системы — значит найти закон ее существования, функционирования. И наоборот, раскрыть закон функционирования системы — значит найти ее структуру². Но если считать, что структуры, характеризующие определенный класс объектов, полностью выражаются и познаются с помощью законов строения и функционирования этих объектов, то между структурами и функциями и законами, которым они подчиняются, стирается всякое различие. В действительности это далеко не так; между структурой и функцией системы нет однозначного соответствия³, а потому нет такого соответствия и между структурными и функциональными методами изучения систем.

Системный подход позволяет рассматривать объект исследования как органическое целое с противоречивым единством структуры и функции. Структура не может не выполнять определенной функции, равно как не существует функций, не свойственных той или иной структуре. И структура, и функция, таким образом, есть выражение двух сторон единой сущности — системы как целого. В этом случае они тождественны, что, однако, не означает параллелизма в их развитии, ибо они играют различную роль в формировании и функционировании целого, будучи его различными сторонами. Следовательно, системы различаются не только и не столько по структуре или функции, сколько по соотношению их, по характеру единства этих противоположностей⁴. Однако трудность состоит в том, что зачастую невозможно установить изоморфные отношения между структурой и функцией системы.

Марксизм впервые обосновал методологический принцип, согласно которому система как целое выполняет определенную функцию, являющуюся ведущей по отношению к элементам структуры. А сама структура может быть понята лишь как выражение функции целого. В этом случае функция рассматривается как отношение действующего компонента ко всей системе как целому. Поскольку в сложных динамических системах функциональность, т. е. действия для достижения определен-

² Друянов Л. А. Закон в системе философских категорий. М., 1973, с. 4.

³ См.: Мамзин А. С. О содержании и форме в живой природе. Л., 1968; Сви-дерский В. С., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970.

⁴ См.: Егоров Ю. Л. Об объективных основаниях сложности. — «Философские науки», 1971, № 3.

ного полезного результата, является их наиболее существенной стороной⁵, то раскрытие функциональных связей и законов функционирования ведет к раскрытию и законов структурной организации системы, ее «внутренней архитектоники» (П. К. Анохин), как это имеет место в физиологии, кибернетике и других науках. Обратное же утверждение зачастую неверно, поскольку функции организации относительно независимы от соответствующих структур, в силу чего знание структуры может оказаться недостаточным для действительного знания функционирования системы в целом.

Эта относительная независимость структуры и функции реализуется по-разному. В биологических системах в процессе их филогенетического и онтогенетического развития непрерывно повышаются устойчивость структур и лабильность их функций, т. е. расширяется возможность структуры реализовать все большее количество функций и способность их к изменениям без существенных изменений самой структуры⁶.

Более того, анализ соотношения структуры и функций в системе показывает, что нельзя согласиться с мнением об инвариантности структуры по отношению к функции. Развитие системы заключается именно в изменении структуры, вследствие чего усиливается функция системы. Приспособление структуры к функции — одна из особенностей развивающихся систем. В них многие свойства проявляются как функции, что ведет к совершенствованию организации и усложнению системы. Так, для сложных функциональных систем повышение эффективности функции адекватного отражения действительности становится главным в их прогрессивном развитии.

Отсюда следует, что изменения структуры совершаются не только скачкообразно, но и непрерывно, в процессе взаимодействия систем. Это значит, что структура — не только устойчивая упорядоченность связей компонентов целостной системы, но и процесс. Так рассматривал структуру «органичной системы» — человеческого общества К. Маркс.

Анализ затрудняется тем, что не только в понятие структуры, но и в понятие функции вкладывается различное содержание. Причем относительно функции различия еще более существенны. Всякое функциональное отношение выражает необходимую взаимную связь элементов, когда изменение одних элементов сопровождается однозначным изменением других. Так понимается функциональная зависимость в математике. В дескриптивной лингвистике языковые, в частности синтаксические, явления определяются не посредством их значений, а через выявление их форм и функций, причем под функцией понимается формальная характеристика лингвистических элементов — способность их занимать определенную позицию в предложении или фразе.

Надо сказать, что из определения функции в глоссематике и логике отношений вообще буржуазными исследователями были сделаны идеалистические выводы. В глоссематике прямо утверждается, что человек познает не вещи, а отношения. «С научной точки зрения, — заявляет, например, Х. И. Ульдалль, — вселенная состоит не из предметов или даже «матери», а только из функций, устанавливаемых между предметами»⁷. Сами предметы здесь оказываются лишь точками пересечения функций (отношений). С точки зрения материализма, однако, не может

⁵ См.: Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. — В сб.: «Принципы системной организации функций». М., 1973.

⁶ См.: Сетров М. И. Организация биосистем. Л., 1971; его же. Основы функциональной теории организации. Л., 1972.

⁷ «Новое в лингвистике». Вып. I. М., 1960, с. 400.

быть никаких «чистых отношений», существующих вне предметов. Отношения существуют только в вещах и через вещи.

В биологии и социологии функция — это специфический способ проявления свойства того или иного объекта в его взаимодействии с другими объектами. Объект, не выполняющий своей функции, перестает быть данным объектом. Следовательно, функционирование есть выражение устойчивой реакции объекта на внешние воздействия. Эта реакция определяется внутренней природой объекта. В этом смысле функция есть способ связи системы с другими системами или со средой.

Но главное в понимании функции все же не в этом. Функция прежде всего определяет ту роль, которую выполняет данный объект или элемент в составе целого. Функция каждого компонента определена его местом и его отношением к другим компонентам и к структуре целого. В этом случае понятие функции смыкается с понятием избирательного действия, которое способствует интеграции системы и ее сохранению. Поэтому главное назначение функции — сохранение системы как целого. Это особенно относится к функциональным системам, где элемент функционирования подчиняется общему плану функционирования системы, которое направляется получением полезного результата⁸.

Из сказанного следует, что функции частей обусловлены структурой целого. Но сама структура реализует себя через функционирование. Посредством осуществления своих функций она становится источником движения и развития системы. С этой точки зрения структура выполняет двоякую роль: во-первых, она согласует и соподчиняет функции частей системы, т. е. интегрирует их в результирующую функцию системы; во-вторых, она порождает новые факторы и условия развития, т. е. становится источником новых функций.

Еще раз подчеркиваем, что различные обобщенные значения функции, как роль компонента в целостной системе, частное проявление общей деятельности и т. д., отражают главное назначение функции — способствовать сохранению системы и обеспечивать условия для ее развития. Поэтому функцию можно считать реализующим свойством, благодаря которому система формируется, сохраняется и развивается как целое. Такой подход способствует пониманию того, что структура и функция — это продукты исторически развивающейся системы, где ведущая, определяющая роль принадлежит функции⁹.

Если брать отдельную изолированную систему вне процесса развития, то системообразующим началом в ней оказывается структура, выступающая в качестве инварианта данной системы. Видимо, подобное определение структуры в полном объеме применимо только к неразвивающимся, статичным системам. Функция же в этом случае представляет способ взаимодействия элементов структуры. Так рассматривают эти категории структурализм и «общая теория систем». В отличие от них бихевиоризм и структурно-функциональный анализ приписывают ведущую роль функции. Но сами представители функционализма отмечают ограниченность такого подхода из-за неоднозначности термина «функция»¹⁰. Кроме того, здесь абсолютизируется момент устойчивости системы, постоянство ее организации, вследствие чего происходит замена причинной связи функциональной зависимостью.

⁸ См.: Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. — В сб.: «Принципы системной организации функций», М., 1973, с. 41.

⁹ См.: Науменко Л. К., Югай Г. А. «Капитал» К. Маркса и методология научного исследования. М., 1968, с. 34.

¹⁰ См.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и развитии. М., 1961, с. 277.

Действительно, поскольку структура неразрывно связана с генезисом системы как целого, связывая в целостный процесс этапы ее истории, поскольку структура представляет собой результат взаимодействия других, более ранних структур и является результатом переплетения самих связей и взаимодействия, одних лишь каузальных отношений и законов оказывается недостаточно для объяснения сущности развивающихся систем. Если генезис системы адекватно описывается законами причинного типа, то структуры подчиняются и законам некаузальным, но выражающим необходимые и всеобщие связи.

Законы некаузального типа описывают функционирование системы, т. е. ее состояния в каждый момент времени. Эти состояния могут быть детерминированы как структурой или элементами, так и системой в целом и условиями ее функционирования. Поэтому отношения, интегрирующие элементы объекта в целостную систему, могут быть различными: причинно-следственными, отношениями координации функций, последовательности или одновременности, отношениями соподчиненности и т. п.

Системный подход, сохраняя принципы причинного анализа, характеризующего развитие системы, развивает и принцип структурного анализа, который, основываясь на принципе причинности, обогащает и развивает его. Кроме того, зачастую оказывается, что под функциональной зависимостью скрывается недостаточно познанная причинная связь.

Материалистическая диалектика, признавая объективный характер причинности, не отрицает структурных и функциональных методов исследования, а выступает против их абсолютизации. Методология же структурно-функционального анализа обращена на изучение функционально взаимосвязанных элементов и механизмов, благодаря которым данная система воспроизводится и сохраняет постоянство внутренней организации. В основу такого подхода положен принцип «включения», означающий, что функция или совокупность функций задается путем включения данной системы в более широкую целостность. Функционализм как бы останавливает исторический процесс и рассматривает систему лишь с точки зрения устойчивости с целью выявить взаимную связь различных ее элементов. Поскольку развитие не может быть выражено на основе принципа «включения», то проблемы развития остаются вне поля зрения функционализма¹¹.

Говоря о структуре как устойчивом, относительно неизменном в организации системы, нужно подчеркнуть относительность этой устойчивости. Структуры — это не статические инварианты, поскольку функционирует и развивается не просто система, а система с определенной структурной организацией. Структура выступает как координация и субординация функций компонентов и частей системы. Это значит, что с изменением частей и их функций меняются система как целое и ее структура. Если структурные изменения системы не затрагивают ее целостности, можно говорить о функционировании. Изменения, выходящие за рамки системы и приводящие к изменению ее качественной определенности, представляют развитие.

Существует мнение, что различить законы структуры и законы функционирования можно по различному выражению в них временного фактора. Если в законах структуры временной момент явно не обнаруживается, то законы функционирования и развития прежде всего включают фактор времени и характеризуют явления действительности как

¹¹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальных исследованиях. — «Вопросы философии», 1967, № 9.

процессы¹². Однако и структура системы представляет собой процесс. Так рассматривал структуру общественно-экономической формации К. Маркс. Применительно к биологическим системам об этом говорит Берталанфи: «То, что называется структурой, является медленным процессом большой продолжительности. То, что называют функцией, является быстрыми процессами короткой продолжительности»¹³.

В теорию элементов и структуры, разрабатываемую советскими философами, с первых ее шагов было введено понятие структуры, выражающее не пространственное расположение элементов, а процесс изменения системы.

Такие структуры были названы В. И. Свидерским интенсивными. Они характеризовались способом взаимосвязи изменяющихся и сменяющихся друг друга элементов¹⁴. Позднее эти структуры получили название динамических. Однако во всех случаях речь идет о выделении типа структур, определяющихся способом взаимосвязи элементов процесса, т. е. структура, в отличие от ее трактовки структурализмом, охватывает как вещи, так и процессы. Поэтому динамическая структура представляет способ связи состояний процесса, в котором предыдущие состояния определяют последующие за ними во времени, что позволяет говорить о динамической устойчивости структуры.

Сказанное выше позволяет определить законы функционирования как законы жизнедеятельности систем, специфичные для различных типов систем и выражающие их изменчивость в пределах качественной определенности. Поскольку развитие системы есть одновременно формирование ее структурных компонентов и функций, это позволяет говорить об определенной обусловленности структурных и функциональных законов, выражающих различные стороны организации системы, в силу чего их называют структурно-функциональными законами¹⁵.

Структурно-функциональные законы характеризуют систему как данную, как ставшую, структурно оформившуюся, сохраняющую свою качественную определенность, т. е. не выходящую за границы меры. Эти законы отражают состав, строение, пространственно-временную связь элементов, способ их поведения и поведения системы в целом, ее связь с другими системами и т. д. В общем случае структурно-функциональные законы выступают как законы движения системы в пределах данного коренного качества. Поэтому при изучении сложноорганизованных систем нельзя ограничиться только этими законами, поскольку они сами по себе не приводят к коренным качественным изменениям системы, т. е. к ее развитию. Однако они являются той основой, на которой реализуются законы развития, обеспечивая целостность и самоуправляемость системы, качественную природу ее элементов, отношений и связей между ними. Другими словами, структурно-функциональные законы отражают природу компонентов системы, характер взаимодействия между ними, позволяют различить стадии бытия системы в их пространственно-временной организации.

В результате взаимодействия систем друг с другом и в силу действия присущих каждой из них внутренних противоречий происходят постоянные изменения. Функционируя, системы и структуры развиваются,

¹² Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972, с. 34.

¹³ Bertalanffy, L. von. Das biologische Weltbild. Bern, 1949, S. 129.

¹⁴ См.: Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962, с. 19.

¹⁵ См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. Изд. 2. М., 1973, гл. 7, § 2.

переходят в новые качественные состояния. Законы изменения и развития и определяют эти качественные переходы систем. Закономерный процесс возникновения и разрешения собственных противоречий системы представляет объективную логику ее развития. Говоря словами К. Маркса, «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный путь ее разложения и образования новой»¹⁶. В биологических системах преобладающими являются изменения, возбуждаемые в них самих и детерминируемые эндогенно, т. е. преимущественно их собственными структурами¹⁷.

В диалектическом материализме понятие изменения в самом широком смысле тождественно понятию движения как способа бытия материи. Поэтому законы изменения выступают законами движения материальных систем. Под развитием же понимается направленный, упорядоченный ряд изменений, в результате которого происходят преобразование структуры системы, ее качественные и необратимые изменения на основе диалектического отрицания и снятия предшествующего состояния. Законы развития определяют переход системы в новое коренное качество и образование новых функций, недоступных старой системе. Развитие предполагает как стабильность структуры, так и ее активность, изменчивость, поскольку сама она является результатом предшествующих структур. Генезис системы и есть не что иное, как переход от одной структуры к другой, и именно в этом переходе выражается единство причинных и функциональных связей и связей развития и функционирования. В этом смысле Ж. Пиаже характеризует структуру как систему трансформации¹⁸. Если же игнорировать этот динамизм структуры, не учитывать условия возникновения системы и ее прошлые качественные состояния, то нельзя объяснить процесс становления структуры в ее полном объеме, или «инфраструктуры», составляющей, с точки зрения К. Леви-Строса, основу человеческой культуры¹⁹.

Таким образом, структура системы не является только организацией в пространстве. Она разворачивается и во времени. Поэтому время обязательно должно включаться как важнейшая характеристика системы. Все системные концепции так или иначе стремятся учесть фактор времени, динамизм и изменчивость систем наряду с их структурной организацией, тем более, что проблема генезиса не рассматривается ни кибернетикой, ни теорией информации или теорией игр²⁰.

Представляя собой единство устойчивости и изменчивости, единство пространственных и временных характеристик, структура есть лишь переходные формы процесса. Эта внутренняя противоречивость является необходимой предпосылкой трансформации, преобразований структуры.

Поскольку структуры происходят одна из другой, генетически связаны друг с другом, изменяют свои качественные состояния и т. д., структурно-функциональные законы зачастую оказываются законами движения и развития. В устойчивых механических системах, скажем, в планетных системах, за небольшой промежуток времени законы функ-

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 499.

¹⁷ См.: Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969, с. 276.

¹⁸ Piaget J. Structuralisme. Paris, 1968, p. 121.

¹⁹ Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, 1958.

²⁰ Об актуальности проблемы времени в теории систем говорит тот факт, что в дискуссии о «системном подходе» в современной биологии эта проблема была одной из центральных. Однако в ходе дискуссии так и не было выработано общей точки зрения на соотношение функционирования и развития, времени и истории. См.: «Системные исследования». М., 1970.

ционирования совпадают с законами изменения. Законы движения планет Кеплера описывают структуру всех возможных планетных систем, но в то же время эти законы называют законами движения. Принцип Паули представляет собой закон структуры, поскольку раскрывает внутреннюю структуру атомов. Но он же может рассматриваться как закон движения, поскольку описывает распределение возможных состояний движения электронов в атоме.

Диалектический закон отрицания, показывающий направленность процесса развития и его результат, — один из основных законов развития. В то же время он представляет собой закон структуры, поскольку характеризует структуру всех процессов развития. Подобное рассмотрение многих законов зависит от того, какой аспект системы необходимо выделить — структурный или генетический²¹.

Таким образом, структура постоянно обнаруживает свой динамический, процессуальный характер. Но и процессы имеют определенную структуру, характеризующую отношение между временными последовательностями состояний системы. В этом еще раз проявляется противоречивая природа системы и ее законов. С одной стороны, для понимания закономерностей развития системы требуется выйти за ее пределы, рассмотреть процесс ее становления и этапы ее истории. С другой стороны, необходимо выведение ее генезиса, специфики трансформации из законов функционирования самой системы.

Другими словами, структурно-функциональное рассмотрение объекта должно быть дополнено воспроизведением его истории, поскольку только «научное воспроизводство истории объекта будет означать раскрытие закономерного процесса его развития как системы»²². Структурно-функциональный метод без генетического не дает законченного знания об объекте, не может характеризовать «механизм жизни системы» в его различных аспектах. В то же время эта противоречивость структуры и генезиса есть необходимая сторона их единства, в котором структура как результат предшествующего развития должна соответствовать законам этого развития.

Соотношение законов функционирования и законов развития особенно наглядно проявляется в обществе. К. Маркс считал основными структурными компонентами социальной организации те, которые обеспечивают непрерывное воспроизводство системы и сами воспроизводятся вместе с системой. Становление же системы целостно образует процесс ее развития. Этот процесс в то же время представляет формирование структуры и функции системы. Поэтому структура целостной системы являет собой исторический процесс. Этот переход от одного этапа истории системы к другому сам структурно организован. Такой подход позволил К. Марксу «показать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое»²³.

Изучение структуры объекта — важная задача научного познания. Но нельзя согласиться с мнением, что знание структуры обеспечивает открытие соответствующих законов функционирования и развития этих объектов. Действительно, перечисленные законы связаны друг с другом, но между ними нет однозначной и прямой детерминации. Так, задача социальных исследований заключается не в выявлении структурных законов, характеризующих устойчивое, сформировавшееся состояние социальной системы и ее компонентов, а в том, чтобы найти «закон изме-

²¹ См.: «Философия и прогностика». М., 1971, с. 380—384.

²² Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961, с. 17.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 29.

нения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой»²⁴. Знание глубинных структур мозга и развитие цитоархитектоники не обеспечивают знание законов функционирования, а тем более эволюции мозга и процесса мышления.

В то же время сведение всех законов к законам развития не учитывает момент относительной устойчивости объекта, постоянства его качественной специфики в определенных границах — в пределах меры. Поскольку система включает в себя как устойчивость, так и изменчивость, то законы функционирования и законы развития характеризуются прежде всего тем, что выражают эти разные стороны системы. Законы функционирования — это законы самоорганизации системы, определяющие состояние ее в каждый конкретный момент времени. Законы же развития обуславливают переход системы из одного качественного состояния в другое, переход от одной структуры к другой, обеспечивают системе возможность совершенствовать свою организацию за счет как структурных, так и функциональных изменений.

Изучение системы в ее устойчивости, завершенности и в ее становлении и развитии — не разные задачи, а единая задача познания объекта как целостной системы. Теория объекта возможна только при условии формирования его как системы, при условии реконструкции его в познании как развивающейся целостности. Единство познания структурно-функциональных законов и законов развития возможно только на основе диалектической теории развития как борьбы противоположностей, исходящей из того, что каждое явление «стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, бывает самим собой и другим»²⁵.

М. Хасанов, Ю. Егоров, М. Маъруфий

ҲАРАКАТ ВА ТАРАҚҚИЁТ ҚОНУНЛАРИНИ БИЛИШДА СТРУКТУРА ВА ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИЯЛАРИНИНГ РОЛИ

Системали тадқиқотларнинг кенг ривож топаётганлиги сабабли структур-функционал қонунларини тараққиёт қонунлари билан бирга-ликда олиб ҳар тарафлама ва чуқур ўрганиш муҳим аҳамият касб этмоқда. Мақола муаллифи ана шу заруриятдан келиб чиқиб, философиянинг «структура» ва «функция» категорияларини ҳаракат ва тараққиёт қонунларини билишдаги ролинни таҳлил этади.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 166.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 124.

Новое в науке: поиски, открытия, находки

Б. А. ТУРГУНОВ, В. А. ЛИВШИЦ, Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

**ОТКРЫТИЕ БАКТРИЙСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ НАДПИСИ
В АЙРТАМЕ**

(Предварительное сообщение)*

Городище Айртам, расположенное в 18 км к востоку от Термеза на обрывистом берегу Амударьи, — один из наиболее интересных памятников среднеазиатской античности. Исследования, проведенные еще в 30-х годах Термезской археологической экспедицией и в 60-х годах Узбекстанской искусствоведческой экспедицией (УзИСКЭ) Института искусствознания им. Хамзы, показали, что здесь в течение нескольких столетий (конец II—I в. до н.э. — III—IV вв. н.э.) существовало большое поселение. Стратегическое значение его определялось прежде всего тем, что оно было связано с древней переправой через Амударью.

Основные раскопки велись на самом крупном бугре в западной части городища. В 1932—1933 гг. здесь был найден знаменитый скульптурный фриз с изображением музыкантов¹.

Раскопки показали, что нижние слои бугра содержат остатки монументального здания с пахсовыми стенами. Строительство его началось в период упадка Греко-бактрийского царства, вероятно в третьей четверти II в. до н.э., но не было завершено. Здание включало более десятка помещений и служило скорее всего крепостным сооружением, призванным защищать район переправы.

Расцвет Айртама приходится на время правления Кушан; в этот же период на правобережье Амударьи проникает буддизм. При кушанских правителях руины форта были разравнены, помещения заполнены песком и глиной (на уровне четырех рядов пахсовой кладки), а сверху нанесен толстый слой смазки из зеленоватой глины. Над ним из сырцового кирпича были возведены сооружения буддийского культового комплекса, включавшего святилище, ступу и ряд подсобных помещений. От этих построек до нас дошли остатки стен высотой в три-четыре ряда сырцового кирпича.

В ходе раскопок на Айртаме в разные годы были найдены шесть каменных баз античной профилировки или торовидной формы, остатки

* Описание памятника принадлежит Б. А. Тургунову; чтение текста надписи и ее интерпретацию подготовили В. А. Лившиц и Э. В. Ртвеладзе.

¹ Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н.э. — Материалы Узкомстариса, вып. I, Ташкент, 1933; его же. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976, с. 52—97; Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртам. — ТАКЭ, т. II (Труды АН УзССР, серия I: история, археология), Ташкент, 1945, с. 23—34; Тургунов Б. А. К изучению Айртама. — В сб.: «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, с. 52—77; его же. Айртам (К проблеме античной культуры юга Узбекистана). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1974; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 243—244; Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979, с. 53—54.

ствола круглой колонны, пять фрагментов профилированных карнизов, один акантизированный блок и восемь блоков большого фриза с мюзикантами.

В 1979 г. УзИСКЭ продолжила изучение буддийского комплекса на центральном объекте². Были обнаружены новые фрагменты профилированных карнизов, база анта и небольшая четырехфасадная капитель. Особый интерес представляет находка большого скульптурного фрагмента в северо-восточной части буддийского комплекса, на глубине 1,5 м от дневной поверхности земли. Это часть каменного блока с горельефом. Блок изготовлен из монолита белого органогенного известняка³, широко применявшегося в кушанской скульптуре Бактрии. Один из карьеров кушанской эпохи, где добывался такой известняк, находится у Орлиной сопки на Амударье; отсюда большие прямоугольные блоки камня перевозились на плотах в Айртам, Термез и другие пункты⁴.

Обнаруженный блок был, очевидно, опрокинут — он лежал, наклоненный к паховой стене нижнего здания. На лицевой, тщательно обтесанной стороне блока высечены две фигуры на прямоугольном постаменте. Они сохранились менее чем наполовину от первоначальной высоты. Справа изображена женщина, слева — мужчина. Сохранившаяся нижняя часть женской фигуры имеет высоту до 70 см. Женщина в длинных драпирующихся одеждах стоит с перекрещенными ногами, опираясь на левую ногу. Ноги босые, с толстыми браслетами, украшенными восьмилепестковыми розетками. От мужской фигуры сохранились лишь босые ноги — стопы и голени, высотой 38 см. Отдельно найдена кисть правой руки одной из фигур.

Тыльная сторона блока в отличие от лицевой обтесана неровно; отчетливо видны следы инструмента мастера.

Расположение блока на расстоянии 12—15 м от места находки айртамских фризов позволяет предположить, что он также составлял часть оформления святилища.

Прямоугольный постамент, находящийся в основании скульптурных изображений, имеет ширину 78 см, высоту — 23, толщину сверху — 29, внизу — 32 см. В верхней части вырезана надпись, содержащая шесть строк. Письмо ее — бактрийское (некоторые исследователи именуют его «кушано-бактрийским»), возникшее в результате применения греческого алфавита для фиксации местного — бактрийского языка, одного из официальных языков Кушанской империи. Бактрийские надписи на монетах кушанских царей впервые появляются при Канишке, однако есть основания полагать, что бактрийское письмо греческого происхождения употреблялось уже при Виме Кадфизе⁵.

² Раскопки велись в течение 11 месяцев Айртамским отрядом УзИСКЭ (руководитель работ — Б. А. Тургунов, члены отряда — А. Исламов, С. Левушкина, В. Лунев, С. Живетина, С. Савчук, К. Шейко).

³ Определение научного сотрудника Министерства геологии УзССР А. Живетина.

⁴ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан, с. 79.

⁵ Об этом свидетельствует наскальная надпись из Дашт-и Навура (Газнийское плато, около 100 км к юго-западу от Кабула), в которой упоминается Вима (ооцо в бактрийской версии этой надписи; в пракритской ее версии выступает странная передача Vhamakusa).

Надпись датирована 279 г. неизвестной эры. Ж. Фусман, издатель надписи, считает эту эру либо аршакидской (начало ее — 247 г. до н. э.), либо ранней греко-бактрийской («эра Диодота», около 250 г. до н. э.) и, соответственно, датирует надпись 32 или 29 г. н. э. См.: F u s s m a n, G. Documents épigraphiques Kouchans.—, Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient (далее—BEFEO), t. 61, 1974, p. 38—50; его же. Chronique des études kouchanes (1975—1977).—, Journal Asiatique (далее—JA), t. 266, 1978, p. 435; его же. Nouvelles inscriptions Saka.—BEFEO.

Среди известных, пока немногочисленных бактрийских эпиграфических памятников выделяется несколько ранних надписей, в которых применялось монументальное письмо. До сих пор их находили только на территориях, лежащих к югу от Амударьи. Наиболее важная из них — большая и полностью сохранившаяся надпись из Сурх-Котала (Север-

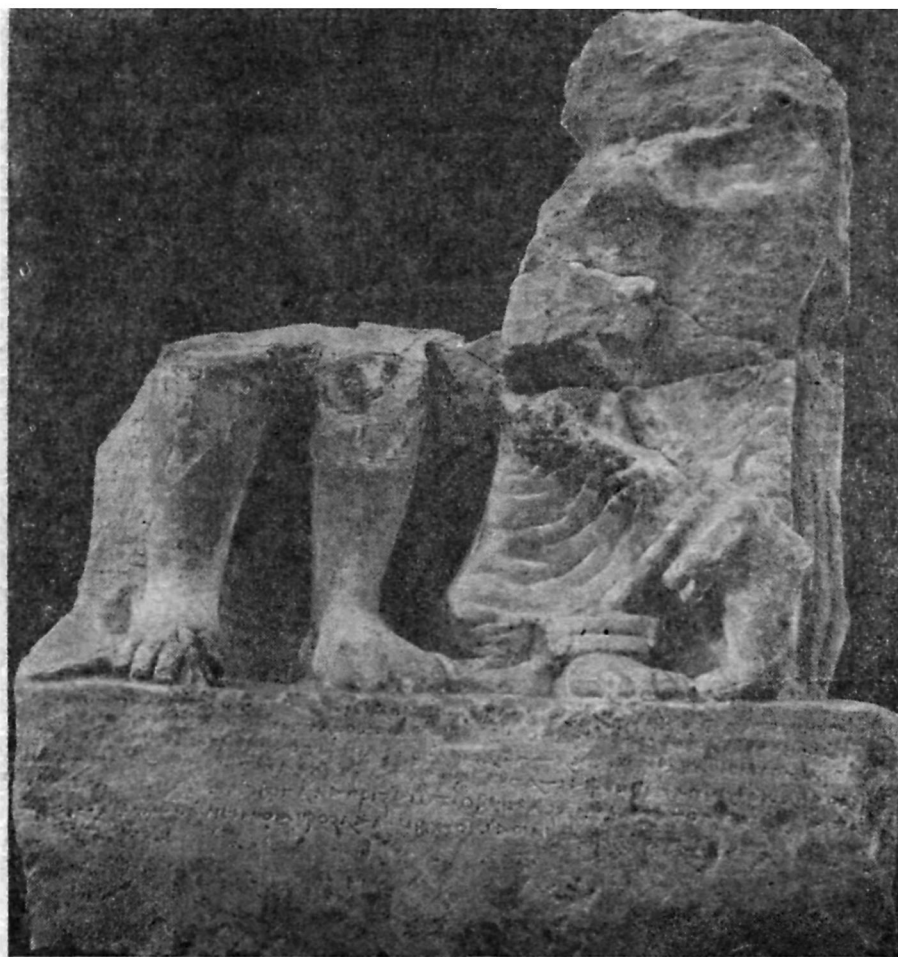

Рис. 1.

ный Афганистан), повествующая о строительных работах, произведенных в сурхкоталском храме в 31 г. эры Канишки; эта надпись служит основным источником наших скудных еще сведений о лексике и грамматике бактрийского языка⁶.

t. 67, 1980, p. 37—42; Bivar A. D. H. The Kusana trilingual. — „Bulletin of the School of Oriental and African Studies (далее—BSOAS), vol. 39, pt. 2, 1976, p. 333—340.

⁶ Первое издание большой сурхкоталской надписи: Maricq A. La grande inscription de Kaniska et l'éteo-tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane. — JA, t. 246, 1958, p. 345—449. Публикация двух других версий этой же надписи: Veneniste E. Inscriptions de Bactriane. — JA, t. 249, 1961, p. 113—152. Расшифровка текста надписи: Henning W. B. The Bactrian Inscription. — BSOAS, vol. 23, pt. 1, 1960, p. 47—55. См. также: Harmatta Y. The Great Bactrian Inscription. — „Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae“, t. 12, 1964, p. 373—471; Gershevitch I. [Ред. на:] Humbach H. Die Kaniska Inschrift von Surkh-Kotal. —

Айртамская надпись — первая бактрийская монументальная надпись, найденная на территории правобережной Бактрии (содержащий ее фрагмент горельефа хранится сейчас в Институте искусствоведения им. Хамзы). Значение этого памятника определяется также тем, что он имеет дату и содержит сведения, позволяющие судить о некоторых этапах строительства культового комплекса в Айртаме.

Надпись, к сожалению, сохранилась лишь частично — текст сильно пострадал от разрушений поверхности постамента. Верхняя половина его, где находится надпись, длительное время не была надежно прикрыта землей, и проникавшая сюда вода размывала поверхность камня (буквы надписи вырезаны неглубоко — от 0,1 до 0,3 см). Больше всего пострадал левый край постамента, где расположены начальные части строк. Несколько больших лакун в тексте возникло, очевидно, в результате повреждений поверхности постамента при перемещении скульптурного блока.

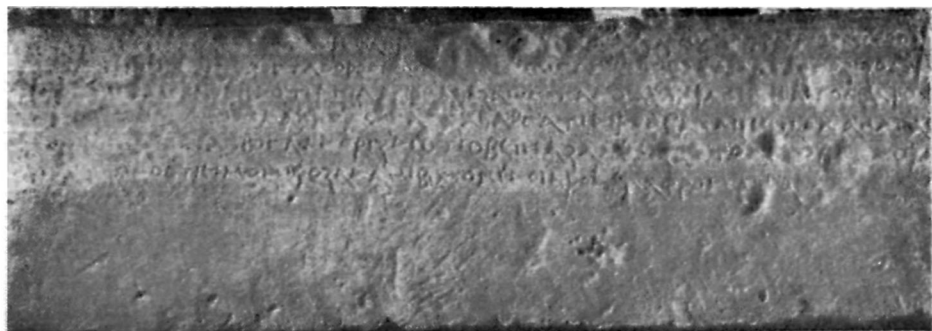

Рис. 2.

Первоначально в тексте имелось примерно 350—360 букв (каждая из первых пяти строк содержала около 60—65, а шестая строка — 51 букву), из них полностью или частично сохранилось 260 букв, причем лакуны имеются во всех строках, что сильно затрудняет истолкование содержания надписи. Трудности чтения и интерпретации Айртамской надписи связаны еще с несколькими обстоятельствами: слитное, без словоразделов начертание текста (так во всех ранних бактрийских надписях); наличие большого числа повреждений, часть которых трудно точно определить; наконец, крайне ограниченный объем наших знаний о бактрийском языке.

Лучше других сохранилась последняя, 6-я строка, большая часть которой была прикрыта землей. Э. В. Ртвеладзе уже при первом осмотре памятника удалось прочесть в этой строке заключительную формулу надписи, вычленив в ней отдельные слова: ...*oti eimo miroxada vixuto lido ia Rod[ia]a frocava...* (здесь и далее по техническим причинам бактрийская буква «сан» передана русской Р) — «...и это написал Мирзад по приказу Шудйа».

Правильность предложенного членения этого отрывка на отдельные слова и его толкования подтверждаются сопоставлением с большой сурхкоталской надписью, в которой засвидетельствованы: *voixuto* «на

BSOAS, vol. 26, pt. 1, 1963, S. 193—196; его же. The Well of Baghlan. — „Asi Major“, N 5, vol. 12, pt. 1, 1966, p. 90—109; Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. Teil I. Wiesbaden, 1966, S. 76—89. Русский перевод большой сурхкоталской надписи, сделанный В. А. Лившицем, опубликован в кн.: Массон В. М., Ромсдин В. А. История Афганистана. Т. I. М., 1964, с. 192—193; Ставиский Б. Кушанская Бактрия..., с. 215—216.

писал» (в Айртамской надписи — орфографический вариант $\nu\iota\beta\iota\chi\tau\omicron$), $\phi\rho\omicron\alpha\nu\omicron$ «приказ» (в Айртамской надписи — вариант $\phi\rho\omicron\alpha\nu\alpha$), предлог $\lambda\iota\delta\omicron$ «по, в соответствии», союз $\omicron\tau\omicron$ «и» (в Айртамской надписи орфографический вариант $\omicron\tau\iota$)⁷. Местоимение $\epsilon\iota\tau\omicron$ «это(т)» в сурхкоталской надписи не засвидетельствовано, но оно известно по фрагментам надписи из Дильберджина.

Имя резчика Айртамской надписи $\text{M}\iota\rho\rho\zeta\alpha\delta\alpha$ (произносилось, вероятно, *Mirzād*) принадлежит к числу теоморфных и имеет буквальное значение «рожденный (богом) Митрой» или «рожденный благодаря Митре». В бактрийском языке это имя уже было засвидетельствовано в надписи на гемме (в написании $\mu\rho\rho\zeta\alpha\delta\alpha$, отражающем вариантную форму *Mihgzēd*)⁸.

Второе имя собственное в заключительной формуле Айртамской надписи — $\text{P}\omicron\delta[\iota]\alpha$ удалось надежно восстановить после того, как оно было обнаружено также в строке 2-й. В дошедшем до нас тексте надписи титул или обозначение должности этого лица найти не удалось, однако, поскольку надпись связывает с его именем осуществление крупных строительных работ на Айртамском святилище, мы вправе предположить, что $\text{P}\omicron\delta[\iota]\alpha$ был важным чиновником, возможно наместником кушанского царя в округе, примыкающем к современному Айртаму (район впадения Сурхандарьи в Амударью), или даже во всей области Термеза (древняя Гармита)⁹.

В заключительной формуле надписи заслуживает внимания также сочетание $\iota\alpha$, располагающееся после предлога $\lambda\iota\delta\omicron$: $\lambda\iota\delta\omicron \iota\alpha \text{P}\omicron\delta[\iota]\alpha\alpha \phi\rho\omicron\alpha\nu\alpha$.

Айртамская надпись показывает, что наряду с чередованием в исходе некоторых слов букв -o (омикрон) и -i (иота; например, отмеченный выше союз $\omicron\tau\iota$, $\omicron\tau\omicron$) ранняя бактрийская орфография знала и альтернативу -o/-a (например, $\phi\rho\omicron\alpha\nu\omicron$ «приказ», $\mu\alpha\lambda\iota\zeta\omicron$ «акрополь» в большой сурхкоталской надписи, $\phi\rho\omicron\alpha\nu\alpha$, $\mu\alpha\lambda\iota\zeta\alpha$ — в Айртамской)¹⁰.

Однако орфографических вариантов с -o/-oia типа $\lambda\iota\delta\omicron/\lambda\iota\delta\omicron\iota\alpha$ бактрийский язык не знает. Следует поэтому видеть в $\iota\alpha$ самостоятельное слово или морфему. Наиболее вероятным представляется объяснить $\iota\alpha$ как относительно-указательное местоимение (бактрийский «изафет») женского рода ($\iota\alpha$ из древнеиранского $\text{y}\bar{\epsilon}$ -), зависящее от существитель-

⁷ Этот же вариант $\omicron\tau\iota$ имеется в версии «б» большой сурхкоталской надписи, а также в тексте фрагментов ранней бактрийской монументальной надписи, обнаруженной при раскопках храма в Дильберджине (Северный Афганистан). См.: Лившиц В. А., Кругликова И. Т. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия, вып. 2 (Материалы советско-афганской археологической экспедиции), М., 1979, с. 107.

⁸ Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. Teil I, S. 74. Тяжелое -ihr > -ir указывает на неустойчивость -h- уже в раннем бактрийском. См. также $\mu\iota\tau\rho$ «бог Митра» на кушанских монетах.

⁹ Этимологически бактрийское $\text{P}\omicron\delta[\iota]\alpha$ (sudya или sudya ?) может быть объяснено из древнеиранского * $\text{šud}(i)\text{ya}$ -букв. «голоденький» (имя-прозвище): ср. авестийское $\text{su}\bar{\delta}\alpha$ - «голод», древнеиндийское ksudh , согдийское $\text{sy}\bar{\delta}$, осетинское $\text{sud}\bar{s}$, хотанско-сакское $\text{k}\bar{s}\bar{u}$, белуджское $\text{šud}(a)$. См.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, Т. III, Л., 1979, с. 182; Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979, с. 69.

¹⁰ Альтернативы -o/-i -o/-a- могут отражать колебания писцов (или составителей надписей) в обозначении тембра реально произносимого конечного (редуцированного?) гласного. Не исключено, однако, что конечный гласный (по крайней мере, в некоторых случаях) вообще не произносился (например, в предлоге $\lambda\iota\delta\omicron$, восходящем к древнеиранскому $\text{ra}\bar{\iota}$) и служил чисто орфографическим средством для обозначения границы слова в тексте, написанном без словоразделов.

ного фромава, которое продолжает древнеиранское frātāpā- (жен. род). Если принять такое толкование, то придется заключить, что Айртамская надпись является единственным из известных пока текстов, в котором отражен бактрийский диалект, сохраняющий категорию рода (в сурхкоталской надписи, как и во всех других памятниках бактрийской письменности, никаких следов форм грамматического рода не обнаружено)¹¹.

Тщательное исследование остатков полуразрушенных букв позволило прочесть несколько слов, расположенных на сильно пострадавших от эрозии участках постамента, и, таким образом, частично реконструировать контекст надписи. Эта работа, однако, еще не завершена¹², в тексте остается еще много лакун и сомнительных чтений, а потому мы остановимся здесь лишь на тех частях текста, которые наиболее важны для понимания содержания надписи.

В начале 1-й строки на поврежденном участке камня удалось прочесть сочетание Ραο οηΡϛ(ο)¹³ «царь Хувишка», с необычным написанием имени царя — οηΡϛ(ο) вместо ожидаемого οοηΡϛο¹⁴. В начале имени, написанного в тексте слитно с предшествующим Ραο, где следовало ожидать -οοο-, можно видеть выпадение -ο- на стыке трех омикронов (*ΡαοοοηΡϛο > ΡαοοηΡϛο); аналогичное явление наблюдается в строке 3-й, где вместо *κῆροοοι выступает стяжение κῆροτι (...κῆρο(ο)τι «сделал. II...»). Труднее объяснить появление -ο- в сегменте -ηΡϛ-: (ο)οηΡϛο. Возможно, что оно отражает вариантное произношение имени царя (Hwēošk-, Hwēušk- ?). Однако в любом случае нет сомнений в том, что речь идет о кушанском царе Хувишке.

После имени царя на поврежденном участке камня удалось прочесть дату: ι («изафет») [χ]Ρονο δ κα[λδ]ο — «год правления 4, когда...» Слово χΡονο «год правления» известно по большой сурхкоталской надписи, а также по некоторым другим бактрийским памятникам. Употребление букв в цифровом значении бактрийская письменность унаследовала от греческой.

Заслуживает внимания тот факт, что формула датировки в Айртамской надписи отличается по структуре от таковой в большой сурхкоталской надписи. В последней дата вводится без имени царя: λῖβο ι ωϣο οδο υῆροο «в году правления тридцать первом». Большинство исследователей полагает, что отсчет здесь ведется по годам эры Канишки, так что 31 г. соответствует либо восьмому (если Хувишка правил непосредственно после Канишки), либо третьему (если Хувишка был преемником Васишки, а последний царствовал в течение 5 лет) году правления Ху-

¹¹ Удвоенное -αα в слове Ροδ[ι]αα в строке 6-й при сопоставлении с Ροδῖα в строке 2-й следует, очевидно, объяснять не как опisku резчика, а как результат стяжения *Ροδῖα-ια > Ροδῖαα (букв. «по которой — Шудйа — которой...»), с «изафетом» ια, также зависящим от женского рода последующего фромава.

¹² Она была начата в июне 1980 г., когда оригинал надписи совместно изучали в Ташкенте В. А. Лившиц и Э. В. Ртвеладзе; позднее Э. В. Ртвеладзе продолжил эту работу сам, регулярно сообщая В. А. Лившицу о новых чтениях отдельных букв и целых слов.

¹³ Или οηΡϛ(ι)? От последней буквы сохранились лишь слабые следы.

¹⁴ В надписях на монетах Хувишки его имя имеет в начале либо οο-(οοηΡϛο, косвенный падеж οοηΡϛι, οοηΡϛε, либо οοο-(οοοηΡϛι). См.: Humbach H. *Vatrische Sprachdenkmäler*, Teil I, p. 42. Эти написания отражают, очевидно, производительные варианты Hwēsk (), Uhwēsk, в древнебактрийской передаче—Hwīṣka. Согласно объяснению, предложенному Г. В. Бейли и В. Б. Хеннингом, это имя имеет буквальное значение „старейший“, „главнейший“—из древнеиранского *Hwawista-ka-, *Hwīsta-ka-. См.: Henning W. B. *Surkh-Kotal und Kaniška*.—*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 115, 1965, S. 84; Bailey H. W. *Dictionary...*, p. 502, 507.

вишки. Если предположить, что 31 г. в сурхкоталской надписи отсчитан не по эре Канишки, а от начала правления Хувишки¹⁵ (он царствовал, судя по индийским надписям, не менее 33 лет), то и в этом случае формула датировки отличается от Айртамской надписи отсутствием имени царя.

Но еще более показательны, что датировки по годам правления Хувишки нет также ни в одной из 20 индийских надписей, упоминающих имя этого царя, — все они датированы по эре Канишки (от 28 до 60 г. этой эры)¹⁶. Таким образом, Айртамская надпись — единственный пока памятник кушанской эпохи, указывающий дату по году правления Хувишки и свидетельствующий о том, что в правобережной Бактрии при кушанах применялись «эры» правящих царей — преемников Канишки (вероятно, наряду с эрой Канишки, а также с некоторыми другими системами летосчисления, сохранившимися от докушанской эпохи).

Установить точную — абсолютную — дату Айртамской надписи сейчас не представляется возможным, поскольку мы до сих пор не знаем абсолютной хронологии правлений кушанских царей. Эта проблема связана, в первую очередь, с выяснением даты начала царствования Канишки. Мнения исследователей по этому вопросу, как известно, весьма различны, что связано с различиями в хронологическом определении всего периода существования Кушанского царства (допустимые по источникам пределы — от 25 г. н. э. до 70—80-х годов IV в.)¹⁷, с разной трактовкой соотношений эры Канишки с другими эрами (в том числе и засвидетельствованными в памятниках кушанского периода), с различиями в датировке кушано-сасанидских монет и с рядом других проблем¹⁸.

Для начала эры Канишки предлагались даты от 78 до 278 г. н. э. В настоящее время большинство исследователей отказывается от поздних датировок и считает наиболее вероятным либо 78 г., либо период между 120 и 130 г.¹⁹

Если принять за начальную дату эры Канишки 78 г. н. э. и считать, что Хувишка правил непосредственно после Канишки, то 4-й год Хувишки (дата Айртамской надписи) придется на 104 или 105 г. н. э. (Канишка, как можно судить по индийским надписям, царствовал 23 года). Если Хувишка был преемником Васишки, дата Айртамской надписи может соответствовать 109 или 110 г. А если относить начало эры Канишки к периоду между 120 и 130 г. н. э., условно выбрав 125 г., то возможными датами надписи будут соответственно 151—152 или 156—157 гг. Таким образом, надпись должна быть отнесена к началу или к середине II в. н. э.²⁰

¹⁵ См.: Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (Материалы по проблеме). Душанбе, 1969, с. 30.

¹⁶ Там же, с. 38—43.

¹⁷ Там же, с. 7.

¹⁸ Подробную сводку данных по материалам, опубликованным до 1968 г., см.: Зеймаль Е. В. Указ. соч.

¹⁹ Для определения возможных границ начальной даты эры Канишки особое значение имеют материалы монетного клада из Бард-и Нишанде, где медная монета Канишки найдена вместе с 5 тыс. монет правителей Элимаиды II в. н. э. и парфянской тетрадрахмой первой половины II в. н. э. (см.: Ghirshman R. Bard-e Nechander—centre religieux iranien.—Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 19, 1967, p. 13—14).

Отсюда очевидно, что правление Канишки нельзя относить ко времени дожде II в. н. э. О других аргументах в пользу ранней (конец I или начало II в.) начальной даты Канишки см.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 23—31; Fussman G. Nouvelles inscriptions, p. 30—43, и указанную там литературу.

²⁰ Попытки установить абсолютную датировку надписи еще более осложняются, если признать, что существовало два кушанских царя, носивших имя Хувишка (Ху-

Большие лакуны в середине строки 1-й, сильные повреждения почти всех букв в конце этой строки не позволяют пока восстановить ее контекст. Можно лишь заметить, что слово Рао «царь» повторяется в середине строки, а после значительной по размерам лакуны удаётся как будто распознать глагольную форму βαγδο (не исключено, правда, и чтение βαγαο), которое может иметь значение «подарил» или «пожаловал» (из древнеиранского *bahta-*). Поскольку в строках 2—4-й рассказывается о деятельности Шудйа, связанной с перестройкой храмового комплекса, мы вправе предположить, что в разрушенной части 1-й строки говорилось о том, что сам Хувишка поручил Шудйа расширить храм (и выделил на это необходимые средства?).

Надпись позволяет заключить, что в 4-м году правления Хувишки (или, по крайней мере, до начала деятельности Шудйа) Айртамский храм уже существовал. Слово, обозначающее храм, в Айртамской надписи то же самое, что и в сурхкоталской — βαγαλαγγο (в сурхкоталской — орфографический вариант βαγολαγγο). Буквальное значение этого слова, восходящего к древнеиранскому **baga-dāna-ka* — «вместилище богов» (отсюда «храм, алтарь, святилище»); оно сохранилось до наших дней в названии области Βαυλᾶν в Северном Афганистане (этот топоним непосредственно связан, очевидно, с сурхкоталским святилищем)²¹. Помимо бактрийского, это слово в форме *vaḡane* представлено также в согдийском; оно существовало и в парфянском (армянский топоним Βαγαῖαν восходит к заимствованному из парфянского **bagaḡān*). Заслуживает внимания, что в Сурх-Котале βαγολαγγο обозначало культовый комплекс, посвященный поклонению династии кушанских царей (из большой сурхкоталской надписи известно, что весь этот комплекс или, по крайней мере, центральный его храм именовался «Храм (βαγολαγγο) Канишка Победитель») и возжиганию в их честь священного огня²². В Айртаме, насколько можно судить по материалам раскопок, слоев, в которых были бы обнаружены культовые сооружения, предшествующие буддийскому комплексу кушанской эпохи, нет. Поэтому, мы вправе полагать, что слово βαγαλαγγο в Айртамской надписи служило обозначением храма²³.

вишка I и Хувишка II). Такое предположение основывается на упоминании в индийской надписи из Ара, датированной 41 г. (эры Канишки), имени Канишки, сына Ваджешки. Этот правитель — Канишка II мог царствовать в течение трех лет (в надписях: 44 и следующих годов вновь появляется имя Хувишки). Делались также попытки разграничить две фазы в чекане с именем Хувишки и отнести их соответственно к Хувишке I и Хувишке II (Зеймаль Е. В. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореферат канд. дисс. Л., 1965, с. 15; см. также: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 25—26, прим. 75). Однако позднее Е. В. Зеймаль пришел к выводу, что «возникающая в связи с надписью из Ара (К-41) возможность существования двух царей с именем Хувишки нумизматическими данными не может быть подтверждена» (Зеймаль Е. В. Кушанская хронология..., с. 50).

²¹ См.: Herring W. B. *Surkh Kotal*.—BSOAS, vol. 18, 1956, p. 365—367.

²² См.: Schlumberger D. *The excavation at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and India*.—*Proceedings of the British Academy*, vol. 47, 1961, Oxford, 1962, p. 77—95; его же. *Sur la nature des temples de Surkh Kotal*.—*Центральная Азия в кушанскую эпоху*, т. 2, М., 1975, с. 97—102; Массон В. М., Ромодин В. А. *История Афганистана*. Т. I, М., 1964, с. 190—194; Ставиский Б. Я. *Кушанская Бактрия*..., с. 198—292; Пугаченкова Г. А. *Искусство Бактрии эпохи Кушан*, с. 58—61.

²³ Остатки буддийского памятника, так называемая «Платформа статуй» (прямоугольный подиум, сохранившийся на высоту 1,5 м, на котором располагались огромные глиняные статуи; среди находок важна капитель с тюрбаном бодисатвы — типичным буддийским символом), обнаружены в 2 км к востоку от династического храма Кушан в Сурх-Котале, причем есть основания полагать, что это буддийское святилище связано было также с прославлением Кушан, прежде всего Канишки, как ревностного покровителя буддизма (см.: Schlumberger D. *Le temple de Surkh Kotal (III)*.—JA, t. 243, 1955, с. 275 и след., табл. II—III; его же. *The excavations*

Большую часть строки 2-й, в которой, видимо, начинался перечень работ, осуществленных под руководством Шудйа в Айртаме, восстановить пока не удалось (...стадо Родиа о [лакуна] а... γανια... «...был Шудйа... также (?)...»), но в конце строки читается: βαγα λαγγο ξιδο «он (-Шудйа) украсил храм». Глагол ξιδο впервые отмечен в бактрийском языке. Значение его устанавливается лишь по этимологическим соответствиям: он восходит к древнеиранскому корню *zai-, zi-* «снаряжать», «украшать», засвидетельствованному в хотано-сакском глаголе *āysān-*, perfetto причастие *āysāta-* (из **zai-na-*, **ā-zita* — «покрывать, украшать, снаряжать»²⁴).

С другим важным термином, уже известным по Сурх-Коталу, мы встречаемся в 3-й строке надписи. Начало ее также сильно разрушено (...φ... κ? ...ρα...[Ρο]δία κηρο... «Шудйа сделал»), но далее текст сохранился лучше: οτι ανια αβο μαλιξα οσταδο «и другое (?) в акрополе он установил». Перевод *ανια* как «другое» не более, чем предположение, основанное на сопоставлении с древнеиранским *anua*; не исключено, что в *ανια* скрывается какое-то существительное.

Как уже отмечалось, *μαλιξα* является орфографическим вариантом к сурхкоталскому *μαλιξο*. Это слово в большой сурхкоталской надписи Б. В. Хеннинг условно предложил переводить как «акрополь»²⁵. Надпись показывает, что *μαλιξο* было основной частью центрального сурхкоталского святилища и потому отождествлялось со всем храмовым комплексом. Начало сурхкоталской надписи *ειδο μαλιξο πο κληηρο οανινδο βαγολαγγο* «этот акрополь — храм Канишка Победитель». Сурхкоталский акрополь занимал верхнюю часть холма и включал в себя здание центрального святилища, приподнятое на высокой (1,5 м) прямоугольной платформе и имевшее, очевидно, уступчатую композицию; двор святилища окружали мощные стены, фланкированные прямоугольными башнями с квадратными камерами.

Для Айртама предстоит еще выяснить, что здесь могло носить название *μαλιξα*, однако предварительно позволим высказать по данному вопросу ряд предположений, для чего вкратце остановимся на топографии этого городища. Оно занимает возвышенный обрывистый берег Амударьи, вытянувшись с запада на восток на протяжении 3 км, а с юга на север — до 0,5 км. Стены вокруг всего поселения отсутствуют, но в западной его половине находится укрепленная часть. Согласно описанию М. Е. Массона, она занимала площадь 250×110 м и с трех сторон (кроме южной, обращенной к реке) была обнесена стеной, которую с

at Surkh Kotal, p. 90—91, табл. XXII—XXIII; Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан, с. 63—64. К сожалению, надписей в районе сурхкоталской «Платформы статуи» не найдено, так что мы не знаем, как называли сами бактрийцы этот памятник. Можно отметить, что употребление одного и того же термина для обозначения культовых сооружений, принадлежащих разным религиям, встречается весьма часто. Так, в согдийских текстах слово *varāne* (этимологически точное соответствие бактрийскому *βαγολαγγο*) выступает как обозначение святилищ (видимо, мазденстских), в которых совершались ритуальные жертвоприношения скота (осуждаемые в согдийско-буддийских текстах (см.: Benveniste E. Textes Sogdiens. Paris, 1940, p. 176), но это же слово употреблялось и для обозначения иудейских храмов (схωδζγδ'пуу) в одном согдийско-манихейском тексте (см.: Henning W. B. Surkh-Kotal, p. 367, прим. 3).

²⁴ Emmerick R. Saka Grammatical Studies. London, 1968, p. 10.

Г. В. Бейли связывает с корнем **zai-, *zi-* также согдийское *zuwr* (новоперсидское *zawar*) «украшение, браслет», новоперсидские *zēbā* «красивый», *zēbodan* «добавить, украшать» (см.: Bailey H. W. Dictionary..., p. 21).

²⁵ Henning W. B. The Bactrian Inscription, p. 49. Этимологически Хеннинг связывал *μαλιξο* с древнеиранским *dizā-* «крепость» (**hama-dizā*). Ср. также: Henning W. B. Surkh-Kotal und Kaniska, S. 76—77.

западной стороны фланкировали три мощные башни²⁶. В юго-западном углу этой части находится естественный холм (100×35—50 м по М. Е. Массону и 50×30 м по Б. А. Тургунову), вершину которого занимает комплекс буддийских построек. Как удалось выяснить, в кушанское время в центре его была расположена ступа; севернее нее находились группа помещений и лестничная клетка, ведущая в полуподвальную комнату. Западнее ступы имелось еще несколько помещений (из одного из них и происходит скульптурный блок с надписью). К югу от ступы находилось культовое помещение (М. Е. Массон называет его святилищем), середину которого занимал квадратный кирпичный постамент. Вокруг постамента найдены каменное основание реликвария и фрагменты алебастровой статуи Будды. Южнее этого помещения были обнаружены семь плит скульптурного фриза, вероятно, оформлявшего вход в него²⁷.

Пространство вокруг холма до стен занимал, видимо, двор, лишенный, как можно судить по микрорельефу, построек. Таким образом, топографическая структура укрепленной части Айртама (культовый комплекс, двор, стены) идентична Сурх-Коталу. Можно предположить, что *μαλιξο* — «акрополь» применено в Айртамской надписи или ко всей укрепленной части Айртама, или только к холму с культовым комплексом. Святилище *βαγγαλαγγο* в первом случае могло применяться ко всему культовому комплексу, во втором — к какой-то его части, вероятнее всего, к помещению с постаментом.

Первая половина 4-й строки надписи почти целиком разрушена; далее удастся прочесть: *...αβαβο ασ(?)ιδι Ροδ(ι?)α (ο?)δι |βογανδο...* «(Храм остался) без воды, поэтому Шудья выкопал...»²⁸ Правильное понимание этого отрывка зависит от восстановления разрушенного слова *(ο?) δι |*, синтаксическая позиция которого показывает, что это — существительное, объект к глаголу *βογανδο* «выкопал» или «вкопал». Вспомним, что в большой сурхкоталской надписи более всего места посвящено рассказу о строительстве сооружений, которые должны были обеспечить сурхкоталское святилище пресной водой.

Ряд слов Айртамской надписи, не имеющих аналогий в известных до сих пор бактрийских памятниках и, как правило, расположенных в разрушенных контекстах, еще не удалось интерпретировать. К таким словам принадлежат *οσβαρο* (или *ολβαρο*) в конце строки 3-й, *(α)βογανδο ριξιδι* в строке 4-й, *οβε* (или *οβει*) в той же строке («оба» или «также?»). Можно надеяться, что дальнейшее изучение позволит уточнить чтения ряда полуразрушенных слов, реконструировать контексты их употребления и, таким образом, приблизиться к пониманию некоторых отрывков надписи.

Уже сейчас можно утверждать, что Айртамская надпись близка к большой сурхкоталской. С последней ее сближают и наличие значительного числа общих слов, а также некоторые палеографические особенности. По палеографии Айртамская надпись наиболее близка к версии «б» большой сурхкоталской надписи, для них обеих характерно сочетание прямо- и остроугольных форм букв с округлыми.

Отметим также, что размеры одних и тех же букв в различных строках Айртамской надписи значительно колеблются. Так, омикрон в 1 и 6-й строках имеет ширину 0,5—0,6 см, а в 5-й строке достигает 1—1,2 см. Основания букв в каждой строке лежат почти всегда на одном

²⁶ М а с с о н М. Е. Из воспоминаний..., с. 60.

²⁷ Там же, с. 81—84.

²⁸ В 4-й строке надписи сообщалось, вероятно, о строительстве какого-то гидротехнического сооружения на территории Айртамского комплекса.

уровне, так что можно предположить, что, приступая к начертанию надписи, разчик разбил ее поле на строки. Расстояния между строками колеблются от 0,9 до 1,5 см; начала и концы строк не везде совпадают. Детальная палеографическая характеристика Айртамской надписи будет дана при полной публикации текста.

Здесь же следует подчеркнуть большое научное значение Айртамской надписи. Это первая монументальная бактрийская надпись, найденная на территории Советской Средней Азии и вообще — первая бактрийская надпись, сопровождающая скульптуру. Она имеет первостепенное значение для понимания истории создания Айртамского культового комплекса и его датировки. Наконец, надпись обогащает наши сведения о лексике бактрийского языка, а возможно, — и о его диалектологии.

Б. А. Тургунов, В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе

**АЙРТОМДА КАШФ ЭТИЛГАН БАКТРИЯ МОНУМЕНТАЛ ЕЗУВИ
(Дастанлабки хабар)**

1979 йили Айртом (Термиз шаҳри яқинида) харобасини қазииш пайтида бактрия тилида ёзуви бўлган катта бир скульптура парчаси топилган эди. Мазкур мақолада ана шу ноёб ва фан учун муҳим аҳамият касб этадиган ёзувни ўрганишнинг дастанлабки натижалари ҳақида фикр юритилади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РАЗВИТИЕ ШЕФСКОЙ ПОМОЩИ РАБОЧЕГО КЛАССА УЗБЕКИСТАНА КРЕСТЬЯНСТВУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В материалах XXVI съезда КПСС подчеркивается возрастающая роль рабочего класса в условиях зрелого социализма. Растущий советский рабочий класс вносит неоценимый вклад и в претворение в жизнь аграрной политики КПСС, развитие колхозно-совхозного производства.

Испытанной формой помощи рабочего класса селу является шефство над труженниками колхозов и совхозов. Как сказал Л. И. Брежнев, «хорошо известно, какую большую роль играет шефская помощь селу со стороны городов и промышленных центров. Практика последних лет дала много ценных форм этой работы»¹.

За последние годы большую работу по усилению шефства рабочего класса над кишлаком провели партийные и профсоюзные организации нашей республики. На XX съезде Компартии Узбекистана кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов подчеркнул: «Нужно множить шефскую помощь деревне со стороны городов и промышленных центров, проявлять заботу о подготовке для села квалифицированных кадров»².

К настоящему времени постоянную шефскую помощь селу оказывают коллективы около 480 промышленных предприятий и до 200 строительных предприятий и организаций Узбекистана³.

В авангарде шефов идут работники предприятий сельскохозяйственного машиностроения, химкии, строители, энергетики, автотранспортные рабочие. Они уделяют много внимания решению производственных вопросов в подшефных колхозах. Труженники промышленности делятся со своими сельскими друзьями опытом организации социалистического соревнования, ремонтируют для них сельскохозяйственную технику, строят подсобные помещения и т. д. Так, коллектив Ферганского нефтеперерабатывающего завода в порядке оказания шефской помощи колхозу «Ленинабад» Алтыарыкского района ежегодно выделяет тысячи метров труб для полива полей и водопровода, обучает колхозников профессиям токарей, электросварщиков, электромонтеров, мотористов и др. Силами рабочих завода в подшефном хозяйстве построены сильные ямы, смонтированы автопоилки и автодоилки⁴.

Большой вклад в подъем производства в подшефных хозяйствах внесли работники автотранспортных предприятий специализированного управления № 9 треста «Узбекгазпромстрой», автобазы № 9 Министерства автомобильного транспорта и др. Только в 1979 г. они заготовили более 7 тыс. т грубых кормов, построили 3 коровника, 4 птичника, провели водопровод протяженностью 2 км, проложили подъездные пути к фермам, заасфальтировали 126 тыс. м² дорог, пробурили 12 артезианских скважин⁵.

Ведущее место по объему и качеству оказываемой сельским местностям помощи по праву принадлежит столице республики. Так, весомую поддержку работникам сельского хозяйства Душлыкского района Джизакской области, а также районам столичной области оказали труженники предприятий и учреждений Октябрьского района г. Ташкента. В 1978 г. они заготовили для подшефных хозяйств 9,5 тыс. т грубых кормов. Ими было собрано также 20 тыс. т хлопка-сырца. В дни хлопкоуборочной они направили на село 15 автолетучек, оснащенных ремонтной техникой, 35 автомашин, мобилизовали 250 слесарей-ремонтников⁶.

Предприятия и организации Фрунзенского района г. Ташкента шефствовали над Мирзачульским районом Джизакской области. В совхозы района было направлено

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 7. М., 1979, с. 431.

² «Правда Востока», 1981 г., 4 февраля.

³ Текущий объединенный архив Узсовпрофа, ф. 737, оп. 5, д. 796, л. 84.

⁴ Там же, л. 85.

⁵ «Правда Востока», 1980 г., 17 июня.

⁶ «Правда Востока», 1979 г., 25 февраля.

109 слесарей-наладчиков, 12 сварщиков, 40 водителей грузовых автомашин и 5 — бензовозов. За первое полугодие 1979 г. они выполнили в подшефных колхозах и совхозах различных работ на 450 тыс. руб.⁷

Коллективы Ленинского района г. Ташкента направили в 1979 г. в хозяйства Октябрьского района столичной области около 100 слесарей-ремонтников, построили в совхозах «Юбилейный» и «Кызыл чарвадар» Зааминского района два свинооткормочника на 100 голов каждый, а в совхозе «Заамин-1» — коровник на 200 голов. Строительство вели тресты «Ташкентдорстрой», «Средацветметшахтопроходка», «Средазтрансстрой»⁸.

Сотни тысяч горожан — рабочих, служащих, учащихся — ежегодно выезжают в подшефные хозяйства на сбор хлопка. Многие предприятия республики внесли свою лепту не только в ручную, но и в механизированную уборку «белого золота».

В 1980 г. во время хлопкоуборочной кампании в целинных совхозах «Гигант» и «Дружба» Бухарской области действовал в порядке оказания шефской помощи уборочно-транспортный отряд Навоийского горно-металлургического комбината им. 50-летия СССР. Начальником отряда был назначен инженер-механик К. Поточкин. Между колоннами и отдельными механизаторами развернулось социалистическое соревнование. Механики-водители хлопкоуборочных машин И. Хаитов и В. Иванов собрали за сезон по 170 т хлопка. Им были вручены красные вымпелы, ценные подарки и премии. Всего отряд собрал 1350 т сырья. С его помощью совхоз завершил уборку урожая хлопка за 20 рабочих дней и выполнил план хлопкозаготовок на 104,2%⁹.

Комсомольская организация Узбекистана осуществляет шефство над внедрением комплексной механизации в хлопководстве, активно содействует подготовке механизаторских кадров, принимает непосредственное участие в уборке урожая сырья.

В уборочной страде 1979 г. отличились комсомольцы и молодежь Ташкентского тракторного завода — механизаторы-водители и слесари. Около трех недель работали они в Галабинском и Аккурганском районах Ташкентской области. Общий вклад молодых трактористов в урожай-79 составил 28 т хлопка-сырца¹⁰.

Комсомольско-молодежный отряд завода «Ташсельмаш», занятый в том же году на уборке хлопка, насчитывал 25 человек. Они работали в колхозе «Победа» Бекабадского района Ташкентской области. Список лучших сборщиков возглавлял Э. Ахмедов из цеха № 36, ежедневно сдававший на хирман более 100 кг сырья. От него старались не отставать бетонщик цеха № 36 Н. Мирзарахимов, сотрудник отдела капитального строительства А. Юлдашев, работница цеха № 15 В. Власова¹¹.

Помимо развития сельскохозяйственного производства, шефская помощь направлена на улучшение культурно-бытового обслуживания сельского населения.

Так, коллектив Дворца культуры им. 50-летия газеты «Правда» Чирчикского производственного объединения «Электрохимпром» в 1976 г. красочно оформил в подшефном колхозе им. В. И. Ленина Среднечирчикского района центральную усадьбу и полевые станы, передал колхозному клубу 30 плакатов и 50 экз. политической и художественной литературы, дал для колхозников 43 концерта художественной самодеятельности и 10 бесплатных киносеансов¹².

На основании постановления Ташоблсовпрофа Дворец культуры текстильщиков возглавляет шефство над совхозом «Пскент-1». Он организовал там лекторий «Пятилетка шагает по стране». Художественная самодеятельность Дворца культуры приняла активное участие в проведении в совхозе праздников «красного календаря», дала 30 концертов. Для оформления совхозного клуба Дворец передал безвозмездно три люстры общей стоимостью около тысячи рублей, а библиотека Дворца культуры подарила совхозу 1650 книг на общую сумму 300 руб. На территории совхоза шефы оформили более 100 стендов, отражающих выполнение заданий пятилетки¹³.

Большую культурно-шефскую работу проводят автоклубы городских предприятий и учреждений. Например, в Кашкадарьинской области в девятой пятилетке они сделали 167 выездов, дали 237 концертов, прочитали 528 лекций и докладов. В Наманганской области автоклубы организовали 25 агитбригад, которыми было дано 570 концертов, прочитано свыше 600 лекций и докладов. Члены автоклубов принимают активное участие во внедрении в сельский быт новых советских обрядов, ритуалов, праздников Серпа и Молота, Урожая, Навруз байрами и др.¹⁴

В свою очередь, колхозное крестьянство Узбекистана прилагает все больше усилий для улучшения снабжения рабочего класса, всего городского населения продовольствием. В столицу республики каждый год прибывают «красные обозы» с дарами полей.

⁷ «Сельская правда», 1979 г., 26 сентября.

⁸ «Сельская правда», 1979 г., 28 сентября.

⁹ «Сельская правда», 1980 г., 1 октября.

¹⁰ «Тракторостроитель», 1979 г., 26 ноября.

¹¹ «Ташсельмашевец», 1979 г., 22 октября.

¹² Текущий объединенный архив Узсовпрофа, ф. 2124, оп. 1, д. 519, л. 10.

¹³ Ташоблгосархив, ф. 939, оп. 1, д. 780, л. 9—11.

¹⁴ Текущий объединенный архив Узсовпрофа, ф. 2124, оп. 1, д. 519, л. 3, 8.

Так, летом 1980 г. посланцы колхозов и совхозов Ташкентской, Сырдарьинской и Джизакской областей доставили свою продукцию на овощные ярмарки Алайского, Октябрьского, Юнусабадского и Фархадского рынков. Продажу овощей и фруктов вели 1200 продовольственных магазинов и ларьков¹⁵. Изо дня в день увеличивался поток арбузов, дынь, винограда, фруктов и овощей на железнодорожных погрузочных площадках. За сезон 1980 г. в города республики было отправлено продуктов бахчеводства и садоводства в полтора раза больше, чем в 1979 г.¹⁶

Братское сотрудничество рабочего класса и колхозного крестьянства играет, таким образом, огромную роль в решении актуальных задач коммунистического строительства в нашей стране.

Х. Туракулова

¹⁵ «Вечерний Ташкент», 1980 г., 13 августа.

¹⁶ «Правда Востока», 1980 г., 28 августа.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТУРКОМСТАРИСА

(К 60-летию со дня основания)

В мае 1981 г. исполняется 60 лет со времени организации Туркестанского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), который стал первым государственным органом, созданным специально для учета и сохранения богатейшего историко-культурного и художественного наследия всех среднеазиатских народов. Естественно поэтому, что Туркомстарис многократно упоминается в работах, посвященных охране и реставрации памятников Средней Азии. Однако по вопросу о создании Комитета после статей, опубликованных в первом выпуске «Известий» его преемника — Средазкомстариса (Ташкент, 1926), новых данных в литературе фактически не приводилось. Между тем этот вопрос может быть освещен теперь более полно, в значительной мере на основе архивных материалов, в частности из Центрального государственного архива (ЦГА) РСФСР и архива Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР.

Как известно, за полвека, прошедшего от присоединения Средней Азии к России до Великого Октября, русскими учеными и местными краеведами-любителями была проделана немалая работа по выявлению и изучению памятников культуры и искусства Туркестана. Однако деятельность этих исследователей и энтузиастов проходила в условиях отсутствия государственного законодательства об охране памятников и во многом зависела от личных вкусов и склонностей представителей колониальной администрации. Только после победы Великого Октября изучение и охрана памятников в стране, в том числе в Туркестанской АССР, стали делом государственной важности, о чем четко и ясно свидетельствовали ленинские декреты Совнаркома РСФСР и изданные под их воздействием и по их образцу соответствующие законодательные акты ЦИК и Совнаркома Туркеспублики¹.

Вскоре после революции в Туркестане стали возникать органы, пытавшиеся по мере сил претворять в жизнь эти законодательные акты, — более или менее представительные комиссии, создававшиеся по инициативе краеведов и по решению местных городских, областных или военных властей². Эти комиссии, безусловно, сыграли положительную роль при решении первоочередных задач по учету, охране и ремонту памятников отдельных городов Средней Азии (в первую очередь Самарканда) в разгар бурных военно-политических событий 1918—1920 гг. Но уже тогда было ясно, что создание компетентного постоянного государственного органа, способного взять на себя нелегкое бремя сохранения памятников в обширном, ранее отсталом крае, тем более в условиях хозяйственной разрухи, под силу лишь руководству Туркестанской республики или центральной власти Советской России.

Еще в 1919 г. на заседаниях коллегии отдела музеев и охраны памятников Наркомпроса РСФСР обсуждался вопрос об учреждении такого органа, причем высказывались пожелания создать в Туркестане его местное подразделение — секцию или подотдел³.

В начале 1920 г. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана (Турккомиссия) поручила главному управляющему Центрального управления по архивным делам (Щуардел)

¹ Подробнее об этом см.: Ставский Б. Я., Жукова И. Н. Первые шаги государственной системы охраны и реставрации памятников Средней Азии. — «Искусство», 1981, № 4.

² Яркие воспоминания о деятельности этих комиссий см.: Массон М. Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968, с. 5—10, 14, 32—33.

³ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 9(1), л. 262; д. 17а, л. 12.

Туркестанской республики Д. И. Нечкину «организовать дело охраны памятников старины и искусства в Туркестане».

На первых же порах (декретом ЦИК ТАССР № 191 от 30 января 1920 г.) охрана «всех исторических памятников науки и искусства Туркестана», а также «производство археологических изысканий и собиране всякого рода научного, литературного и художественного материала для надлежащего их исследования» были возложены непосредственно на Цуардел⁴. Однако он был достаточно загружен своими прямыми обязанностями и эти поручения носили временный характер. Выполнять же их надо было неотлагательно, в противном случае культурному и художественному наследию среднеазиатских народов мог быть нанесен непоправимый урон. И в мае того же 1920 г. возглавляемая Д. И. Нечкиным специальная комиссия направилась из Ташкента «для осмотра древних памятников искусства в Самарканде и для принятия мер к их охране». В результате решением главногоуправляющего Цуарделом 1 июня 1920 г. была учреждена постоянная Самаркандская комиссия по охране и реставрации памятников старины и искусства (Самкомстарис)⁵.

В протоколах заседаний комиссии Цуардела, работавшей в Самарканде, она обозначена как «комиссия по охране памятников старины и искусства в Туркестанской республике»⁶. Видимо, предполагалось, что на базе ее будет создана постоянная Туркестанская комиссия, призванная возглавить государственную систему охраны и реставрации памятников республики, а Самкомстарис явится ее первым звеном. Судя по проекту «Положения о Комиссии по делам музеев и охраны памятников старины и искусства в Туркестанской автономной республике»⁷, подготовка к созданию такого органа в 1920 г. уже была близка к завершению. Цели и задачи его четко определялись в разделе I проекта «Положения»:

«1. В целях охраны памятников старины и искусства Туркестанской Республики от разрушительного действия природы и покушений злой человеческой воли, а также научной постановки музееведения — учреждается Комиссия при Наркомпросе Туркестанской Республики на правах его отдела.

2. Комиссия ставит себе задачей: а) немедленную регистрацию всех памятников искусства и старины, б) охрану их, в) реставрацию, г) собиране всего материала, относящегося к ним, и научную разработку его, д) музееведение, е) организацию художественного научного института, приобщение широких масс к работам комиссии путем лекций, бесед и экскурсий.

3. Комиссия осуществляет свои задачи на местах через учреждаемые ею временно или постоянно комиссии, а также путем научных экспедиций и посылкой своих эмиссаров».

Нельзя не отметить, что хотя головной орган государственной системы сохранения памятников Туркестана по примеру аналогичного органа в РСФСР предполагалось включить в состав Наркомпроса «на правах его отдела», это подразделение определялось в проекте «Положения» не как отдел, а как комиссия. Думается, что тем самым подразумевался не совсем ординарный его статус. Показательно, что в разделе II «Права и обязанности Комиссии» оговаривается ее двойное подчинение: «6. Комиссия действует на основании декретов Туркестанской Республики и руководствуется декретами Центра» (ср. в § 12: «Комиссия работает в контакте с Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса Российской Федерации» и в § 13: «Средства на содержание комиссии, ее отделений, сотрудников, а также на ее операционные расходы ассигнуются из государственной кассы по смете Комиссариата Просвещения Туркестанской Республики; в случае выполнения заданий Центра Комиссия разрешается получать оттуда и средства»).

Согласно проекту «Положения» (§ 8), в Комиссию должны были войти секции: музейная, охраны памятников искусства и старины, археологическая и художественно-научный институт, которые, в свою очередь, делились на «подотделы». Руководить Комиссией, помимо ее председателя и его заместителя, должны были (§ 11) члены, выделяемые Туркестанским государственным университетом, Туркестанским восточным институтом, Цуарделом и отделом изобразительных искусств Наркомпроса Туркестанской Республики. В примечаниях к § 11 оговаривалось, что (прим. 1) при согласии Центра в

⁴ Умняков И. И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии. — «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент. 1926, с. 46; см. также: Нечкин Д. И. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии. — Там же, с. 4; Миронов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования. — Там же, с. 18—19.

⁵ Миронов А. М. Указ. статья, с. 25.

⁶ Архив ЛОИА, ф. 2 (Российская Академия истории материальной культуры), 1920 г., д. 62, л. 9—22.

⁷ Там же, л. 66—68.

Комиссию включаются представители от музейного отдела Наркомпроса РСФСР и Российской академии истории материальной культуры; (прим. 2) «с момента учреждения научно-художественного института ему предоставляется право представительства в Комиссии» и (прим. 3) «Комиссии предоставляется с разрешения Коллегии (Наркомпроса Туркестанской республики) право кооптации к основному ее составу представителей науки, особенно известных своими научными трудами».

Как следует из архивных материалов, в ноябре 1920 г. было утверждено все же «Положение» не о Комиссии, а об отделе по делам музеев и охраны памятников старины и искусства. Первое заседание Совета отдела, призванного осуществлять общее руководство этим органом, состоялось только 2 марта 1921 г.

Из протокола заседания Совета от 2 марта 1921 г. видно, что заведующим отделом был назначен Д. И. Нечкин, а в состав Совета вошли представители Российской Академии истории материальной культуры (проф. А. А. Семенов), Цуардела ТАССР (С. П. Покровский), Туркестанского университета (проф. А. Э. Шмидт), Туркестанского восточного института (Н. Э. Вундцеттель). Заведование музейной секцией отдела было поручено С. П. Покровскому, археологической — Н. Э. Вундцеттелю, секцией охраны памятников старины и искусства — А. А. Семенову⁸.

В марте 1921 г. состоялось еще три заседания Совета отдела, протоколы которых свидетельствуют о его активной деятельности. Так, 9 марта были рассмотрены вопросы организации двух секций (археологической и охраны памятников старины и искусства) и планы их работы⁹. 15 марта были обсуждены отчеты о деятельности Самкомстариса в 1920 г. и вопрос о финансировании его работ на 1921 г., а также изучен и передан на утверждение в Совнарком ТАССР «декрет о принятии мер к сохранению древних памятников мусульманского зодчества в Туркестанской республике»¹⁰. На заседании 30 марта было решено образовать при Туркестанском народном музее закупочную комиссию для создания музейного фонда и пополнения коллекций и экспонатов отдельных музеев Туркестанской республики¹¹. Следует отметить также решение Совета о включении в его состав представителей «Научных Комиссий — Узбекской, Киргизской (т. е. Казахской. — Авт.) и Туркменской»¹²; вторую стал представлять А. А. Диваев, последнюю — Н. Н. Иомудский.

Но хотя отдел по делам музеев и охраны памятников старины и искусства в Наркомпросе ТАССР был создан и уже начал активно функционировать, вопрос его организационной формы, как выясняется, оставался пока открытым. Лишь 12 апреля того же 1921 г. Наркомпрос утвердил «Положение о Туркомстарисе», после чего, уже с 13 апреля, Совет бывшего отдела в протоколах его заседаний именуется Советом Комитета¹³. Однако прошло еще сорок дней (и состоялось пять заседаний Совета — три в апреле и два в мае)¹⁴, прежде чем СНК ТАССР принял постановление (№ 127 от 22 мая 1921 г.), окончательно узаконившее создание Туркомстариса.

Туркестанский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы возник, таким образом, не на пустом месте. Его созданию предшествовали не только разработка основ советского законодательства о памятниках истории и культуры, но и поистине героический труд энтузиастов — ученых и краеведов по учету и охране среднеазиатских памятников в первые годы Советской власти, упорный поиск наиболее целесообразной формы организации их государственной охраны.

Этот поиск в условиях Туркестанской АССР был тем более необходим, что здесь для претворения в жизнь общих принципов советского законодательства о памятниках потребовался иной, чем в центре России, государственный орган. В отличие от Москвы и Петрограда с их сложившимися научными институтами и кадрами замечательных ученых (историков, востоковедов, археологов, реставраторов, искусствоведов и т. п.), на чью регулярную помощь могли опираться Наркомпрос РСФСР и его музейный отдел, в Туркестане орган по делам музеев и охране памятников должен был стать чуть ли ни единственным местным научным, методическим и практическим центром не только по учету и охране, но и по изучению (часто первоначальному) самых разнообразных исторических и художественных шедевров. Он должен был обладать также известной самостоятельностью, чтобы поддерживать деловые контакты с научными, общественными и государственными организациями Центра, без чьей постоянной поддержки он просто не мог бы в сложной обстановке того времени ни возникнуть, ни функционировать. Именно таким органом и стал Туркомстарис, действовавший в 1921—1924 гг.

Б. Я. Ставиский, Н. Н. Жукова

⁸ Архив ЛОИА, ф. 2, 1921 г., д. 86, л. 16.

⁹ Там же, л. 17.

¹⁰ Там же, л. 18—18 об.

¹¹ Там же, л. 22.

¹² Там же, л. 19.

¹³ Там же, л. 25.

¹⁴ Там же, л. 25—38.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО МЕТОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Как в изучении, так и в преподавании различных дисциплин в совокупности с другими общими и частными методами ныне все шире применяется сравнительный метод.

Сравнительный метод (сравнительный анализ) — это метод уяснения качеств либо свойств явления путем сравнения с другими его качествами или свойствами либо с качествами и свойствами другого явления. Это также — метод установления закономерностей развития путем сравнения объектов в разное время, сопоставления их качеств в прошлом с теми же качествами в нынешнем состоянии.

Широкое использование сравнительного метода, сравнительного анализа привело к появлению особых отраслей науки: сравнительной анатомии, сравнительной физиологии, сравнительной лингвистики, сравнительной грамматики, сравнительного правоведения и т. д.

Умелое применение сравнительного метода способствует повышению эффективности и качества преподавания различных дисциплин, в том числе юридических наук.

Для плодотворного использования этого метода необходимо соблюдение двух основных условий.

Первое условие — объекты должны быть однородны и сравнимы. Сравнению подлежат лишь такие явления, между которыми может существовать определенная общность и связь. В. И. Ленин считал обязательным составлять лишь единообразные объекты, отмечая, что не следует проводить «несравнимые сравнения», ибо сравнение всегда предполагает нечто общее (в этой связи В. И. Ленин не раз напоминал немецкую поговорку: «Не сравнивайте пуды с аршинами»).

Второе условие сравнения познаваемых объектов — сопоставления по наиболее существенным признакам (с учетом целей и границ сравнения). Сопоставляются объекты не только по форме, но и по внутреннему содержанию. Сравнение надо «производить умеючи». «Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, *сравнимы* ли исторические эпохи развития сравниваемых стран»¹. Объекты сравнения должны быть взяты в их связях с окружающим миром.

Несоблюдение этих условий неизбежно ведет к ошибочным выводам. В. И. Ленин резко возражал против бессодержательных сравнений, абстрактных аналогий, называя их вульгаризацией, «игрой в параллели». Одну из таких «параллелей» (попытку сопоставить проблемы времен монгольского ига с национальными проблемами начала XX в.) В. И. Ленин назвал «политическим шарлатанством»².

Сравнительный метод применяется не изолированно от материалистической диалектики, а базируется на ней и потому «сравнение вовсе не есть чисто произвольное рефлективное определение...»³

Сравнение занимает важное место среди частных научных методов и приемов, применяемых как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне познания. Сравнительный метод следует сочетать с другими методами логического познания — анализом, синтезом, индукцией, дедукцией и др. При этом преподаватели должны помочь студентам правильно различать следующие виды сравнения.

Простое или первичное сравнение. Это элементарное сравнение двух или более объектов. Простое сравнение используется во всех отраслях знаний и в повседневной жизни и дает поверхностные результаты. К разновидностям простого сравнения относятся предварительное и окончательное сравнение, а также отдаленное и близкое сопоставления.

Преподаватели должны напоминать студентам, что простое сравнение может быть полным и частичным. При полном сравнении сопоставляемые объекты рассматриваются во всей их разносторонности и целостности. При частичном — сопоставляются лишь некоторые стороны, фрагменты или моменты сравниваемых объектов.

В практике преподавания юридических дисциплин преподавателям следует использовать и приемы историко-правового сравнения, где объекты должны сопоставляться как вглубь (вертикально), так и вширь (горизонтально).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 268.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 442.

Студентам надо разъяснить, что при вертикальном сравнении изучается и анализируется история одного объекта, она может сопоставляться с историей создания и развития схожего объекта. Так могут анализироваться, например, возникновение и развитие государства и права.

При горизонтальном сравнении один объект сопоставляется с другим, прошлое изучаемого объекта сопоставляется с настоящим другого объекта и наоборот. Например, сравнение феодализма и капитализма. Здесь важно подчеркнуть их сходство (оба строя основаны на эксплуатации большинства меньшинством). Конечно, по сравнению с феодализмом, капитализм явился историческим шагом вперед. Однако он «был и остается системой *наемного рабства...*»⁴ От феодализма он отличается по форме эксплуатации. Если раньше «крепостные крестьяне работали на помещиков и помещики их наказывали», то теперь «рабочие работают на капиталистов и капиталисты их наказывают. — Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем»⁵. Это — один из наглядных примеров мастерского применения В. И. Лениным сравнительно-исторического метода при анализе различных общественных формаций.

В преподавании курса истории государства и права, конституционного права, а особенно цивилистических дисциплин преподаватели часто используют синхронное и диахронное сравнения.

При синхронном сравнении сопоставляются различные объекты, находящиеся на качественно одинаковой ступени развития. Так, могут сравниваться социально-политический строй СССР и других социалистических стран, высшие представительные органы государств социалистической системы.

При диахронном сравнении сопоставляются один, два или более объектов, взятые в различные моменты времени, либо сравниваются этапы развития одного объекта. Диахронный аспект предполагает изучение сопоставляемых явлений в хронологической последовательности. Таково, скажем, сравнение процесса становления и развития высших органов государственной власти Союза ССР (съезды Советов, ЦИК, Президиум ЦИК — с Верховным Советом и Президиумом Верховного Совета СССР). Или сравнение Конституций Советского государства 1918 г., Основных Законов Союза ССР 1924 и 1936 гг. с Конституцией Союза ССР 1977 г.

Преподавателям следует постоянно напоминать студентам, что одновременное и разновременное сравнение одного, двух или более объектов успешно сочетается с простым и историческим, а также другими видами сравнения.

В практике преподавания правовых дисциплин часто используется перекрестное сравнение. При этом сопоставляются результаты, полученные путем первичного и вторичного сравнения, сходные явления отграничиваются от несходных, устанавливаются и подчеркиваются сходства и различия. Так, В. И. Ленин в «Государстве и революции», анализируя различные буржуазные революции, подчеркивал их сходные черты, а сравнивая буржуазную революцию с социалистической, — их коренные различия, в частности в отношении к государственному аппарату: «Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать»⁶.

К перекрестному сравнению относится и противопоставление, которое производится в отношении однородных объектов и объектов смешанного содержания и может иметь своей целью выявление преимуществ и превосходства одного из сравниваемых объектов над другими. Здесь сравнительный метод используется для установления качественных различий и выступает не как сопоставление, а как противопоставление. Объектами его могут быть, например, социалистическая и капиталистическая системы хозяйства, право на образование в условиях социализма и капитализма и т. д.

Зачастую преподаватели истории государства и права используют логические сравнения. При этом сопоставляются однородные понятия различных явлений. Путем логического сравнения двух или более понятий можно раскрыть через известное понятие некоторую неизвестную часть содержания другого понятия.

При логическом сравнении проводится и образное сравнение. Оно широко употребляется в педагогике.

Преподаватели должны напоминать студентам, что сопоставление, т. е. сравнение, всегда было важнейшей предпосылкой логического обобщения и играет большую роль в умозаключениях по аналогии. В этой связи рассмотрим понятие и применение аналогии в сравнительном правоведении.

Аналогией принято называть умозаключение, при котором на основании сходства двух систем в одних признаках делается вывод об их сходстве и в других признаках, т. е. свойства, присущие одной из сходных систем, приписываются другой. Например, если известно, что предметы «А» и «В» сходны в признаках а, б, с, d, а также известно, что предмет «А» обладает признаками «е», то в умозаключении по аналогии делается вывод, что признак «е» присущ и предмету «В».

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 115.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 20.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 28.

Однако следует напоминать слушателям, что выводы умозаключения по аналогии не всегда достоверны, а вероятны, ибо сходство явлений имеет границы, за которыми начинается различие, так что признак, переносимый с одного явления на другое, может оказаться принадлежащим лишь одному явлению. Поэтому выводы умозаключения по аналогии нуждаются в дополнительной проверке. Следовательно, аналогия не может служить решающим средством логического доказательства, хотя обладает важной исследовательской ценностью.

Касаясь самой процедуры сравнения объектов, сопоставления явлений, надо сказать, что процесс сравнения начинается обычно с выбора объекта и завершается теоретическими и практическими выводами. Поэтому преподаватели должны разъяснять слушателям необходимость придерживаться следующего порядка в сравнительном исследовании.

Чтобы осуществить первичную («на низшей степени познания») компаративистскую процедуру, надо прежде всего четко определить цель и задачи исследования, тщательно выбрать его объект. Затем организуется соответствующая обработка фактического и теоретического материала, плодом которой является так называемая первичная информация. Ее-то исследователь детально и корректно сопоставляет с массивом других, прямо не относящихся к объекту данных.

Опираясь одной из разновидностей такой эвристической (познавательной) методики, как сравнение (или же набором ее разновидностей), исследователь заново освещает (реинтерпретирует) объект и группирует относящиеся к нему и связанные с ним факты, дополняя и комментируя их, чтобы именно на этой основе выдвинуть научно обоснованные практические рекомендации и новую теоретическую генерализацию.

По сравнению макро- или микрообъектов устанавливается также их логическое сходство и в то же время подчеркиваются фактические различия между ними. Итоги, полученные по окончании процедуры сравнения, в ходе умозаключения и обобщения, а также использования предшествующего опыта, принимаются для теоретического резюмирования.

Одновременно оценивается весь процесс сравнения: определяется его эффективность, обобщаются итоги и делается теоретический или практический вывод. На этом завершаются основные этапы процедуры сравнения в научно-исследовательской работе или в изучении различных дисциплин юридических наук.

Таким образом, кратко основные условия и требования, а также структура сравнительного метода. Широкое и умелое использование преподавателями сравнения при обучении студентов, проведении семинаров и практических занятий способствует повышению качества занятий студентов.

Для глубокого освоения преподавателями метода сравнительного анализа и практики его применения можно рекомендовать следующую литературу:

Бурлацкий Ф. М. Сравнительный анализ форм политической власти рабочего класса. — В кн.: «Ленин—государство—политика», М., 1970.

Зивс В. Б. О методе сравнительного исследования в науке государства и права. — «Советское государство и право», 1964, № 3.

Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965.

Методические указания по применению сравнительного метода. Ташкент, 1979.

Основы методики преподавания общественных наук. М., 1971.

Проблемы сравнительного правоведения. Сборник статей. М., 1978.

Раджабов С. А., Уразаев Ш. З. Общее и особенное в национально-государственном строительстве. — «Советское государство и право», 1965, № 2.

Рекомендации слушателям школ по использованию сравнительного метода при изучении учебных дисциплин. Ташкент, 1979.

Сафаров Б. Г. Историко-сравнительный метод. — В кн.: «М. М. Ковалевский как социолог», М., 1960.

Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975.

Тилле А. А., Файзиев М. М. Сравнительный метод в правовой науке. — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 10.

Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. 2-е изд. М., 1978.

Файзиев М. М., Ф. Энгельс о сравнительном методе исследования естественных и общественных наук. — «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 11.

Файзиев М. М. Использование классиками марксизма-ленинизма сравнительного метода. — «Советское государство и право», 1973, № 8.

Файзиев М. М. Применение В. И. Лениным сравнительного метода в изучении общественных явлений. — «Общественные науки в Узбекистане», 1974, № 4.

Файзиев М. М. Применение сравнительного метода при исследовании государственного и правового строительства союзных республик. Ташкент, 1978.

Шептулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О КАТЕГОРИЯХ И ФОРМАХ
ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БУХАРЫ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Вопросы феодального землевладения Бухарского эмирата XIX — начала XX в. до сих пор широко дискутируются в исторической литературе. Это касается, в частности, категорий, форм и размеров земельных владений.

В трудах дореволюционных авторов: Л. Н. Соболева, А. П. Хорошхина, А. Ф. Костенко, А. И. Мартинсона, Д. Н. Логофета, А. Губаревича-Радобильского¹ и ряда других — высказывалась мысль о том, что размеры земель крупных феодалов Бухары в изучаемый период колебались в пределах 40—100 дес.

Это позволило дореволюционным исследователям утверждать, будто в Бухарском ханстве преобладало государственное землевладение. Подобная точка зрения высказывается и в исторической литературе наших дней. Однако это мнение не подкреплено соответствующими фактами из нарративных и архивных источников, Дореволюционные авторы в качестве аргументов использовали данные, полученные от Российского политического агентства в Бухаре, личные наблюдения, рассказы местных жителей. Так, Д. Н. Логофет оправдывал приблизительность приводимых им цифровых сведений отсутствием необходимых статистических материалов. Он писал: «Низшие административные лица, хотя и имеют у себя некоторое подобие подворных списков, необходимых им при сборе податей (хараджа), но таковые представляют из себя глубокий секрет, ревниво сохраняемый ими от всех и не известный даже высшим местным властям, с восточным равнодушием признающим, что число людей в районе и во всем ханстве хорошо известно Аллаху, а потому и люди не должны заботиться об их исчислении из боязни вызвать гнев Всемогущего»².

Вместе с тем местные власти втайне от вышестоящей администрации составляли определенные учетные документы, на основе которых взимались всевозможные налоги. Беки и их чиновничий аппарат были лично заинтересованы в подобном учете, ибо жалования они не получали и выколачивали себе содержание с помощью многочисленных поборов с населения. От эмира же эти сведения скрывались, ибо чиновники присваивали себе и часть его доходов³.

Как отмечается в нарративных источниках, «иногда точных сведений амлакадары не давали даже своему правителю вилайетов и туманов, чтобы последний не мог установить размеры податей по всему им принадлежащему. Эти беспорядки особенно были там, где работа по налогосбору велась неправильно»⁴.

В послеоктябрьский период опубликовано немало ценных исследований по истории присоединения Средней Азии к России и установления протектората над Бухарским

¹ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. — ЗРГО, Отдел статистики, т. IV, СПб., 1874; Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876; Костенко А. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. III, СПб., 1880; Мартинсон А. И. Экономические отношения и аграрный вопрос в Бухарском ханстве. — ЦГА УзССР, ф. И-47, оп. 1, д. 600, л. 1—78; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, СПб., 1911; Губаревич-Радобильский А. Что такое протекторат? — «Средняя Азия», кн. XII, 1910; его же. Экономика Бухары и Туниса. СПб., 1905, и др.

² Логофет Д. Н. Бухарское ханство..., т. I, СПб., 1911, с. 151.

³ М. Н. Под знаком ислама. — «Новый Восток», Ташкент, 1923, № 4, с. 74.

⁴ Мирза Салимбек ибн Мухаммад Рахим. Тарихи-Салими, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2016, л. 271.

ханством. Среди них — и многотомные коллективные монографии⁵, и труды отдельных ученых⁶.

Фундаментальный характер носят исследования В. В. Бартольда, П. П. Иванова, А. А. Семенова, М. Ю. Юлдашева, Р. Н. Набиева, М. А. Абдураимова, А. Мухтарова, О. Д. Чехович⁷ и других ученых, которые создали на основе выявления, изучения и обобщения многочисленных источников монографические труды по истории аграрных отношений в Средней Азии до первой половины XIX в.

Но многие проблемы еще требуют глубокого исследования, в том числе вопросы феодального землевладения в Западной Бухаре конца XIX — начала XX в. В этой связи огромный интерес представляет колоссальный материал, хранящийся в архиве кушбеги бухарского эмира. В нем, в частности, приводятся все формы и категории землевладения, существовавшего в рассматриваемый период в Западной Бухаре.

Анализ этих документов подтверждает, что установление протектората царской России над Бухарским ханством не внесло существенных изменений в сложившиеся там категории и формы землевладения. По-прежнему продолжало господствовать феодальное землевладение. Усиление эксплуатации трудового дехканства проявлялось в ежегодном росте поземельного налога, обезземеливании непосредственных производителей, сосредоточении земель в руках эксплуататорской верхушки, все более тесном сплетении торгового капитала с финансовым.

Хотя формы и категории землевладения в целом по Бухарскому ханству были однотипными, в восточной части его преобладали одни виды земельной собственности, в западной — другие. Уже поэтому вопросы феодального землевладения Западной Бухары второй половины XIX — начала XX в. требуют специального изучения. И в этом неосценимую роль играет архив кушбеги, содержащий важные документы об административном, финансово-налоговом управлении, социально-экономической и культурной жизни позднефеодальной Бухары, сведения о формах и категориях землевладения и землепользования и т. д.

Выявленные нами документы⁸ свидетельствуют о том, что во второй половине XIX — начале XX в. в Западной Бухаре существовали государственные, частновладельческие, вакуфные и общинные земли. Например, в донесении амлакадара⁹ тумана Шапуркам, отправленном на имя Джанмирза-бия¹⁰ парваначи¹¹, содержатся сведения о размерах подвластных ему земельных площадей. Согласно им, государственные земли в этом тумане составляли 21 151 танаб, частновладельческие — 36 256, вакуфные — 9938, мертвые земли (маита) — 18 549 танабов.

⁵ История народов Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1947; История Узбекской ССР. Т. I. Кн. вторая. Ташкент, 1957; История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968; История таджикского народа. Т. II. М., 1964; История Бухары (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1976, и др.

⁶ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I, М., 1963; его же. История культурной жизни Туркестана. — Соч., т. II, М., 1963; его же. Об одном уйгурском документе — Соч., т. VIII, М., 1973, и др.

⁷ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954; его же. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг. (Источники и опыт их исследования). — Труды ИВ, XXVIII, М.—Л., 1937; Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. — Труды САГУ, Серия II, вып. I, Ташкент, 1929; Юлдашев М. Ю. Хева хонлигда феодал ер эгаллиги ва давлат тузилиши. Тошкент, 1959; Набиев Р. Н., Фуломов Я. Ф. ва Ваҳобов М. Узбекистон ССР тарихи (бир томлик). Тошкент, 1958; Абдураимов М. А. Вопросы феодального землевладения в письмах эмира Хайдара. Ташкент, 1954; его же. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Т. 2. Ташкент, 1970; Мухтаров А. Материалы по истории Ура-Тюбе. М., 1963; Чехович О. Д. К проблеме земельной собственности в феодальной Средней Азии. — «Общественные науки в Узбекистане», 1976, № 11, с. 43.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1312, 1794, 1796, 1827, 1989 и т. д.

⁹ Амлакар — должностное лицо, занимавшееся со своим аппаратом сбором налогов, строительством дорог, регулированием судебно-полицейского порядка, водопользования, продажей и сдачей в аренду государственных земель и т. п.

¹⁰ Во время правления эмира Музафара он находился на должности диванбеги (чиновник, занимавшийся исключительно сбором податей в казну эмира, т. е. бывший исполнителем распоряжений кушбеги), а после вступления на престол Абдул-Ахада стал кулли-и кушбеги и находился на этом посту с 1885 по 1901 г.

¹¹ Парваначи — бухарский придворный чин (выше чина инака, но ниже диванбеги); название происходит от слова парвона — ханский указ. См.: Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Душанбе, 1954, с. 14.

Всего в тумане насчитывалось 85 894 (по документу — ошибочно 85 690) танаба земель¹². В том же документе говорится: «Мертвые земли из-за недостачи [оросительной] воды [остаются] необработанными, но имеют [своих] владельцев. Если поступит [оросительная] вода, то эти земли будут оживлены и это послужит поводом для радости жителей этих земель»¹³.

По другому документу, составленному по требованию Российского политагентства, общий размер земельной площади этого же тумана составлял 82 836 танабов¹⁴.

Разница в 3 тыс. танабов по одному туману объясняется, на наш взгляд, тем, что местные власти хотели утаить не только от политагентства, но и от вышестоящих властей эмирата истинный размер поземельных налогов. Другой причиной могло быть то, что именно в эти годы в Западной Бухаре из-за недостачи оросительной воды многие земли пострадали от наступления движущихся песков.

Но в данном случае нас интересует другое — тот факт, что на долю государственного землевладения приходилось не более четверти общей земельной площади данного тумана. Преобладающей же была частновладельческая категория земель (мульк-и хурр и мульк-и хараджи).

В третьем документе¹⁵ приводятся данные по туману Хирканруд в конце XIX — начале XX в.:

«...Государственные и танхо, находящиеся в руках рабов¹⁶ его величества (мамлака ва танхо ба дасти гуломон-э олий будаги) — 21 500 танабов;

частновладельческие (хараджные, мульк и мульк-и хурри-и халис) — 22 000 танабов;

вакуфные — 7000 танабов;

мертвые (манта) — 7000 танабов.

Итого — 58000 танабов»¹⁷.

Итак, и в тумане Хирканруд размеры государственного землевладения были меньше, чем частновладельческого. Здесь интересна формулировка «танхо, находящиеся в руках рабов его величества», которая, на наш взгляд, свидетельствует о том, что часть государственных земель практически находилась в руках родственников и приближенных эмирского двора, а также во владении служилой, военной аристократии.

Как показывают изученные нами документы из архива кушбеги, уже со второй половины XIX в. танхо по существу приближается к наследственным владениям, т. е. сыновья или братья умерших должностных лиц направляли эмиру заявления с просьбой о зачислении этого владения на их имя. Исследование документов эпохи трех последних эмиров Бухары: Музафара (1860—1885), Абдул-Ахадхана (1885—1910) и Сайид Алимхана (1910—1920) — показывает, что они щедро раздавали государственные земли в танхо¹⁸.

Аналогичные документы содержат сведения о размерах землевладения в тумане Каракуль. По этому туману имеется несколько архивных документов¹⁹. Два из них исследованы нами более подробно²⁰.

Согласно первому из них, общая площадь этого тумана достигала 155 160 танабов, из них государственные земли составляли 39 030 танабов, или около 39% общего фонда земель упомянутого тумана. Итак, и здесь государственные земли не были преобладающей категорией землевладения.

Второй документ дает более подробную характеристику категорий и форм землевладения в тумане Каракуль к началу XX в.

По топографическим данным конца XIX в. и исторической литературе того периода нам известно, что Каракульский туман делился на 36 арыков и 7 аминств²¹. В упомянутом документе каждая категория и форма землевладения характеризуется в отдельности по каждому арыку и аминству.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1827, л. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, ф. И-51, оп. 1, д. 102, л. 1.

¹⁵ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1927, л. 22; см. также: ф. И-51, оп. 1, д. 102, л. 1.

¹⁶ Гулом — букв. «раб». Здесь — «подданные его величества». В эту категорию входили крупные феодалы, вершущая служилой аристократии, приближенные эмира. См.: ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1—2, д. 1557, 1827 и т. д.

¹⁷ В документе здесь допущена явная ошибка. Суммирование приведенных в нем цифр дает иной итог — 57 500 танабов.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 435, л. 1—65; д. 437, л. 1—176; д. 440, л. 1—20; д. 454, л. 1—9; д. 477, л. 1—15, и т. д.

¹⁹ Там же, д. 1829, л. 1; Бухарский областной музей, инв. № 9728, док. 12; Топографическая карта Каракульского района 1896 года. — ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1386, л. 16; см. также: ф. Р-51, оп. 1, д. 102, л. 1.

²⁰ Там же, д. 1829, л. 1; Бухарский областной музей, инв. № 9728, док. 12.
²¹ Маджлисов А. Аграрные отношения Восточной Бухары в XIX веке. Душанбе—Алма-Ата, 1967, с. 140—145. См. также ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1829, л. 2—24а.

Исследование и сопоставление этих двух документов показывают, что в тумане Каракуль во второй половине XIX — начале XX в. имелось четыре категории землевладения: государственная, частновладельческая, вакуфная и общинная, которые по типу поземельно-налогового обложения разделялись на семь форм:

- 1) государственная — десятинная и бездесятинная (дахъякдор и бедахъякдор);
- 2) частновладельческая — мульковые, обеленные и хараджные (мульк-и дахъякдор, мульк-и хурр-и халис и мульк-и хараджи);
- 3) вакуфные (вакф);
- 4) общинные (жамоа).

При исследовании и сопоставлении упомянутых документов оказалось, что хотя данные их в итоге совпадают, по площади земель каждой категории и форме они несколько различны. Это наглядно показано в табл. 1, данные которой позволяют проследить и за динамикой роста того или иного вида землевладения (в танабах).

Таблица 1

Категория земель							
государственные		частновладельческие			вакуфные	мертвые	всего
десятинные	бездесятинные	десятинные	хараджные	хурр-и халис			
23 690	15 340	16 410	5 540	3 780	15 350	77 440	155 160
13 710	21 670	13 430	8 334	4 476	15 570	77 720	155 160

Как видим, площадь государственных десятинных земель резко уменьшилась, государственных бездесятинных — увеличилась, мульковых десятинных — возросла, а хараджных и обеленных — сократилась. По обоим документам государственные земли не превышали 23% общего земельного фонда тумана. Надо учесть также, что часть государственных земель практически находилась во владении крупных феодалов: родственников и приближенных ханского двора, а также военной и служилой аристократии. Эти земли постепенно переходили в частновладельческий сектор.

Аналогичных документов по западной части Бухарского ханства в архиве кушбеги немного, но они сопоставлены нами с другими, актовыми документами. Например, изучение документов по купле-продаже земель второй половины XIX — начала XX в. также показало, что в исследуемый период в Западной Бухаре существовали четыре категории и семь форм землевладения, перечисленные нами выше. Как из материалов архива кушбеги²², так и документов из фондов Института востоковедения АН УзССР²³ видно, что во второй половине XIX — начале XX в. в западной части Бухарского ханства частновладельческая категория землевладения по масштабам преобладала над государственной. Основная часть земель находилась в руках крупных феодалов.

Изучение и сопоставление отчетных донесений местных должностных лиц с актовными документами по купле-продаже земель в указанном регионе в рассматриваемый период позволяют нам предположить, что распродажа государственных земель под формулировкой «ускуна» усилилась. Во второй половине XIX в. растет концентрация земель в руках отдельных феодалов. Этот вопрос еще мало разработан и требует специального исследования. Однако уже сейчас можно сказать, что в этот период усиливается закабаление трудового крестьянства, растут масштабы его обезземеливания и разорения при концентрации земель в хозяйствах крупных феодалов, байскокулацких элементов.

Г. Ю. Астанова

²² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1—2 (этот фонд состоит из 87 536 документов).

²³ ИВ АН УзССР, фонды «Чеклар» и «Васикалар» (папки, инв. № 41, 47 и 48).

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
АФГАНИСТАНА 1919—1924 ГОДОВ

Советская историография внесла большой вклад в изучение исторического прошлого и настоящего стран зарубежного Востока. Это ярко видно на примере изучения Афганистана — нашего южного соседа, дружественной страны, народы которой имеют в своей истории и культуре много общего с народами среднеазиатских республик СССР.

Формирование советской историографии Афганистана берет свое начало с первых послеоктябрьских лет, вместе со становлением советско-афганских отношений, у истоков которых стоял великий Ленин.

Великий Октябрь оказал огромное влияние на судьбы народов Востока. Вместо царской России — союзника империалистических держав Запада по дележу и порабощению народов колониального Востока — на исторической арене впервые в истории человечества, истории международных отношений появилась великая держава — Советская Россия, выступившая в поддержку национально-освободительной борьбы. Ленинский декрет о мире провозгласил право всех народов на свободное, независимое существование. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Советское правительство приняло подписанное В. И. Лениным Обращение ко всем мусульманам России и Востока, ставшее программой борьбы за светлое будущее всех угнетенных народов.

Это Обращение явилось одним из первых документов, заложивших основу зарождавшихся новых международных отношений. Оно оказалось также одним из первых документов, положивших начало нового источниковедения и новой историографии международных, в том числе советско-афганских отношений.

Советская историография Афганистана формировалась и в тесной связи с событиями в этой стране, где в начале 1919 г. к власти пришло новое правительство во главе с Амануллаем, заявившее, что Афганистан является независимым государством и впредь не считает себя связанным подписанными в прошлом кабальными договорами с Англией.

Советское правительство первым в мире 27 марта 1919 г. признало независимость Афганистана и оказало ему всемерную поддержку в борьбе против британских колонизаторов.

7 апреля 1919 г. Аманулла-хан обратился к В. И. Ленину с посланием, в котором предлагал Советскому государству союз и дружбу¹.

В. И. Ленин высоко оценил дружественное отношение к молодой Стране Советов ее южного соседа — Афганистана. 27 мая он совместно с М. И. Калининым направил ответное послание Аманулле-хану, выразив глубокую уверенность в том, что обе стороны будут жить в мире и дружбе². Это послание имело огромное значение для народов Афганистана, успеха их освободительной войны против английских колонизаторов. На VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин с удовлетворением отмечал, что «дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном...»³

14 октября 1919 г. В. И. Ленин принял афганского посла Мухаммеда Вали-хана, который передал ему письмо Амануллы-хана. В ходе дружественной беседы В. И. Ленин еще раз подтвердил добрые отношения Советской страны к Афганистану, разъяснил афганскому послу основные принципы внутренней и внешней политики Советского государства⁴.

27 ноября 1919 г. В. И. Ленин направил еще одно письмо афганскому эмиру, в котором подчеркнул, что «в настоящее время Афганистан является единственным в

¹ Документы внешней политики СССР. Т. II, М., 1958, с. 175.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 385—386.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 132.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 327.

мире независимым мусульманским государством. Афганскому народу выпала великая историческая честь и задача сплотить вокруг себя всех поработанных мусульман». В. И. Ленин снова высказался за развитие советско-афганских дружественных отношений⁵.

Важной вехой в развитии дружественных отношений между нашими странами стал советско-афганский договор, подписанный 60 лет назад, 28 февраля 1921 г. В связи с заключением договора В. И. Ленин вновь обратился к главе Афганского государства с посланием, в котором выразил удовлетворение развитием добрососедских отношений между РСФСР и Афганистаном⁶.

Эти и другие ленинские документы и официальные акты заложили основу формирования не только источниковедческой базы, но и советской историографии советско-афганских отношений.

Развитие советско-афганских дружественных связей, те важные события, которые происходили тогда в Афганистане, вызвали растущий интерес к этой стране, и в советской печати, на страницах газет «Жизнь национальностей», «Звезда Востока», «Труд», журналов «Бюллетень НКВД», «Вестник НКВД», «Военная мысль» и других изданий периодически публиковались различные материалы, рассказывавшие о положении в Афганистане, причем они содержали не только корреспонденции, но и высказывания многих зарубежных государственных деятелей. Анализ этих информации показывает, что они отличались крайней противоречивостью, ибо журналисты нередко использовали сведения недостаточно осведомленных кругов. И все же советская историография 20-х годов в целом достаточно широко освещала положение в Афганистане.

Так, на страницах газет «Жизнь национальностей» и «Звезда Востока» печатались статьи «К событиям в Афганистане», «Туркестан и революция Востока»⁷, «Афганистан»⁸. В журнале «Военная мысль» (1921, № 1) была помещена статья «Независимый Афганистан». В «Международной жизни» (1924, № 2/3 и 4/5) дана политическая хроника событий в Афганистане, но наиболее подробно они освещались в «Бюллетене Народного Комиссариата иностранных дел»⁹ и «Вестнике Народного Комиссариата иностранных дел»¹⁰, где рассказывалось о внутренней и внешней политике афганского правительства, социально-бытовых реформах, первых сдвигах в развитии производительных сил на основе модернизации народного хозяйства и т. п.

Однако эта информация охватывала лишь отдельные аспекты внутреннего и международного положения Афганистана. Между тем растущий интерес советской общественности, развитие экономических и политических связей Советской России с Афганистаном требовали более детального изучения событий, происходивших в этой стране, а также ее исторического прошлого. Поэтому уже в начале 20-х годов появляются первые журнальные статьи, а иногда и книги, принадлежащие перу как востоковедов, так и историков широкого профиля, по истории, географии, этнографии Афганистана.

Зачастую авторами их выступали ученые, сформировавшиеся еще до революции и в той или иной мере занимавшиеся историей Афганистана. Среди них можно назвать А. Е. Снесарева, написавшего еще в дореволюционный период 13 статей, из которых 9 были прямо посвящены Афганистану, а 4 имели косвенное отношение к этой стране. После Октябрьской революции А. Е. Снесарев опубликовал 3 статьи и одну монографию¹¹, непосредственно относящиеся к Афганистану, а также одну монографию¹², посвященную Индии, но все же касающуюся и истории Афганистана.

Среди ученых, освещавших историю, географию и этнографию Афганистана начала 20-х годов, надо отметить А. А. Гаррицкого. До революции он занимался проблемами ислама и этнографией, работал переводчиком в Иране. Широкая научная деятельность его относится уже к послереволюционным годам. С первых лет Советской власти А. А. Гаррицкий преподавал в Туркестанском институте восточных языков, затем до 1931 г. работал в Туркестанской библиотеке, где занимался составлением историко-краеведческой картотеки, библиографией и этнографией Средней Азии и стран зарубежного Востока, вопросам истории соседних восточных стран. В начале 20-х годов им была подготовлена и издана монография «История Афганистана», в 1925 г. в журнале «Новый Восток» опубликована статья «Торговля в Афганистане»,

⁵ Материалы по национально-колониальным проблемам. Сборник научно-исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М., 1934, № 7 (22), с. 74, 75.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 318.

⁷ «Жизнь национальностей», 1919 г., 2 марта, 11 мая, 19 октября.

⁸ «Звезда Востока», 1924 г., 8 января.

⁹ Амонуллы и русская политика в Афганистане (1920, № 41), Большевикизм и Афганистан (1920, № 1/87), Восстание в Вазиристане (1920, № 4/90), На афганской границе (1920, № 25), Внешняя политика Афганистана (1920, № 7).

¹⁰ Бухарские дела. Внешняя политика (1921, № 9).

¹¹ Снесарев А. Е. Афганистан. М., 1921.

¹² Снесарев А. Е. Индия (Страна и народ). М., 1926.

а в 1927 г. — «Материалы по земледелию в Афганистане». В этой большой статье исследователь задался целью суммировать весь выявленный им к тому времени материал. Кроме ряда русских и европейских трудов, автор имел в своем распоряжении небольшую главу о земледелии в Афганистане из афганской географии на персидском языке и несколько афганских брошюр, касающихся земледелия в Афганистане 20-х годов.

Изучением Афганистана занималась и Всероссийская научная ассоциация востоковедов. Образованная в 20-х годах при НКВД, она объединяла широкий круг специалистов по отдельным проблемам и научным направлениям истории, археологии, этнографии, языкознания, библиографии. Одной из основных задач исследовательской работы Ассоциации была организация экспедиций в страны Востока. В разработанном ею плане предполагаемых экспедиций одно из первых мест отводилось экспедиции в Афганистан, привлекавший внимание исследователей и как слабо изученный регион, и как страна, имевшая в своей истории и культуре много общего с сопредельной Советской Средней Азией, и как одно из первых государств зарубежного Востока, добившихся своей независимости и установивших дипломатические отношения с РСФСР.

В конце августа 1922 г. Президиум Ассоциации востоковедов образовал комиссию по подготовке экспедиции в Афганистан под председательством одного из крупнейших специалистов в области археологии, этнографии и истории древнего Востока И. Н. Бороздина. Его перу принадлежат такие работы по общим проблемам Востока, как «Изучение Востока в современной России»¹³, «Проблема научных экспедиций на Востоке»¹⁴. Афганские проблемы стали объектом его пристального внимания в начале 20-х годов, в связи с работой в Ассоциации востоковедов и созданием комиссии по подготовке афганской экспедиции. В сборнике статей «Афганистан» (ч. 1, М., 1924) было дано его введение, в котором характеризовались задачи научной экспедиции в Афганистан. И. Н. Бороздин опубликовал также статью «Новейшие научные открытия в Афганистане»¹⁵.

Состав комиссии был весьма представительным. В нее входили: выдающийся антрополог, этнограф, археолог и географ, акад. Д. Н. Анучин (1845—1923), выдающийся советский археолог, профессор, позже заслуженный деятель науки В. А. Городцов (1860—1945)¹⁶, специалист в области национально-освободительного движения, историк-востоковед широкого профиля, проф. В. А. Гурко-Кряжин (1887—1931)¹⁷, искусствовед, проф. Б. П. Денике (1885—1941)¹⁸, проф. Л. З. Мсерианц¹⁹, член-корр. АН СССР, а с 1929 г. — действительный член АН СССР А. Н. Самойлович (1880—1938)²⁰, крупный исследователь в области классической археологии и археологии Северного Причерноморья, а также истории античного искусства, член-корр. АН СССР, действительный член Академии истории материальной культуры, ее ученый секретарь с 1921 г. и до конца жизни (1928) Б. В. Фармаковский²¹, археолог, посетивший Афганистан в начале 20-х годов, М. Г. Вечеслов²² и др.

Таким образом, в состав комиссии вошли маститые ученые, что свидетельствовало о значительном внимании ученого мира к Афганистану начала 20-х годов. Однако далеко не все они были специалистами по зарубежному Востоку и ни один из них не являлся страноведом по Афганистану.

Экспедиция в Афганистан должна была заняться изучением историко-этнологических проблем, а потому ведущая роль была отведена специалистам-этнографам, археологам, географам и искусствоведам. Членам комиссии предстояло заняться изучением практически не знакомой им страны, что, естественно, вызвало целый ряд трудностей. Тем не менее комиссия внесла свой вклад в изучение Афганистана. Члены ее определили круг проблем, подлежащих исследованию, и занялись выявлением степени их изученности. С этой целью было подготовлено и заслушано несколько докладов и сообщений, в том числе: В. А. Гурко-Кряжина — «Исторические судьбы Афганистана», Б. П. Денике — «Искусство Афганистана», В. А. Городцова — «Археологические проблемы Афганистана», Л. З. Мсерианца — «Афганистан в языковом отношении»²³.

¹³ Колоннальный Восток. М., 1934, с. 345—355.

¹⁴ «Новый Восток», М., 1925, кн. 8—9, с. 244—253.

¹⁵ «Новый Восток», М., 1929, кн. 26—27, с. 200—209.

¹⁶ БСЭ, т. 7, с. 227.

¹⁷ Миллибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 166.

¹⁸ Там же, с. 177.

¹⁹ Бороздин И. Н. Введение к кн. «Афганистан», с. 3.

²⁰ Миллибанд С. Д. Указ. соч., с. 493.

²¹ Бороздин И. Н. Б. В. Фармаковский и его научные труды по Востоку. — «Новый Восток», М., 1928, кн. 23—24.

²² Бороздин И. Н. Введение к кн. «Афганистан», с. 3.

²³ См. сб. «Афганистан».

Много внимания уделялось также изучению страны в политическом и экономическом отношении. Разработку этих вопросов взял на себя политико-экономический отдел Ассоциации востоковедов. На заседаниях комиссии был обсужден ряд вопросов, касавшихся состояния экономики и природных богатств Афганистана. Так, был заслушан доклад известного советского зоолога, географа и охотоведа, проф. С. А. Бутурлина (1872—1938) о фауне Афганистана. Готовились сообщения проф. Н. И. Вавилова о злаках, по геологии и палеонтологии Афганистана.

Работа комиссии, как показывают материалы, велась как бы в двух направлениях: одно было призвано подвести итоги изучения Афганистана русскими и зарубежными учеными в дореволюционный период, другое — разработать планы проведения дальнейших научных исследований в этой стране. Результаты этой работы были опубликованы Ассоциацией востоковедов в сборнике «Афганистан». Итоги реализации намеченных планов отражены в работе Н. И. Вавилова и Д. Д. Букиннича²⁴.

Так закладывались основы советской историографии Афганистана. Ее дальнейшее развитие привело к сложению одной из важных отраслей советской востоковедческой науки — афганистики, изучение богатой истории которой за весь период с 20-х годов до наших дней требует глубокого специального исследования.

И. И. Ахмедхаджаев

²⁴ Вавилов Н. И. и Букиннич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929. См. также: Вавилов Н. О восточных центрах происхождения культурных растений. — «Новый Восток», 1924, № 6, и др.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. Р. АБДУРАХМАНОВ. РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ТРУДАХ ФИЛОСОФОВ УЗБЕКИСТАНА

(Ташкент, «Узбекистан», 1980, 92 с.)

За последние полтора-два десятилетия в Узбекистане проделана значительная работа по исследованию актуальных проблем диалектического материализма. По результатам ее опубликован ряд монографий, учебных пособий, коллективных трудов и большое количество сборников и статей. В сентябре 1979 г. и апреле 1980 г. в Ташкенте состоялись конференции по проблемам диалектики и методологическим проблемам современного научного знания.

Таким образом, уже созрели условия для создания историко-библиографической работы по исследованию проблем диалектического материализма в трудах философов Узбекистана. Этому вопросу и посвящена вышедшая недавно книга Р. Р. Абдурахманова. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Ей предпослана статья проф. В. С. Никитченко, обосновывающая необходимость подобного исследования.

В первой главе («И. М. Муминов — основоположник философской школы в Узбекистане») говорится об особенностях распространения и развития марксистско-ленинских идей в Узбекистане. Автор придерживается периодизации становления и развития диалектического материализма в Узбекистане, предложенной акад. АН УзССР И. М. Муминовым. Дав краткий анализ указанных периодов, автор переходит к рассмотрению философского наследия И. М. Муминова. При этом, в частности, характеризуется основное содержание его труда «За глубокое изучение философского наследия В. И. Ленина», кандидатской диссертации И. М. Муминова «Рациональное зерно диалектики Гегеля», а также некоторых других его работ, в которых поднимаются вопросы диалектического материализма. Как показано в работе, И. М. Муминов на протяжении всей своей научной деятельности постоянно возвращался к исследованию ленинского этапа в развитии диалектического материализма. В главе освещается также плодотворная деятельность И. М. Муминова по созданию философской школы в Узбекистане.

Вторая глава («Исследование проблем теории материалистической диалектики в монографических работах») начинается с изложения основного содержания монографии проф. Н. М. Мирошкиной «В. И. Ленин и вопросы научной абстракции». Показаны роль Н. М. Мирошкиной в формировании философских кадров в Узбекистане, ее вклад в разработку вопросов теории отражения.

Далее отмечается, что важные проблемы диалектического материализма нашли свое отражение в трудах проф. Ж. Т. Туленова — «Закон как философская категория», «В. И. Ленин о категориях диалектики», «Система законов и категорий диалектики» и др. Особо выделяется разработка ученым категории «закон», системы основных законов и других категорий диалектики. При этом указывается на то новое, что внес Ж. Т. Туленов в трактовку этих проблем, а также на его анализ значения законов и категорий материалистической диалектики для науки и практики.

В работе дан обстоятельный анализ трудов проф. И. Б. Исмаилова, посвященных разработке одной из важнейших проблем теории познания — соотношения языка и мышления. Здесь рассматриваются такие его работы, как «Язык и познание мира», «Единство языка и мышления в познании мира» и др.

При характеристике работ проф. Т. П. Лема: «О переходе от старого качества к новому в общественном развитии», «Развитие В. И. Лениным материалистической диалектики» — внимание читателей акцентируется на рассмотрении им связи скачков и противоречия, характера и формы скачков, особенностей постепенных качественных переходов, соотношения реформы и революции и т. д.

Объектом анализа служат также монографии проф. Л. Е. Гарбера — «Исследование В. И. Лениным вопросов диалектики общественного развития (в период первой мировой войны)», «Вопросы диалектики и общественного развития в работах В. И. Ленина: период первой мировой войны». Говорится и о разработке им проблем

категорий диалектического материализма, адекватности отражения и других вопросов гносеологии.

При освещении работ проф. В. С. Никитченко (его монографии «Соотношение категорий сущности и явления в марксистско-ленинской философии» и др.) обращается внимание на трактовку им соотношения сущности и закона, движения познания от сущности к явлению, связи принципа партийности с научной объективностью и т. д.

Говоря о монографиях проф. К. И. Ивановой «В. И. Ленин о причинности и критика неопозитивизма», «Принцип причинности в системе принципов научного знания» и других ее публикациях, автор отмечает, в частности, что в этих трудах рассматриваются трактовки понятия причинности, самостоятельной функции принципов в научном познании, классификации принципов, критически разбираются позитивистские концепции причинности.

При анализе книги доктора филос. наук А. Ф. Файзуллаева «Проблемы противоречия в трудах классиков естествознания и философии Средней Азии» указывается, что в ней на богатом материале из истории естествознания и истории философии рассматриваются проблемы противоречивости движения, устойчивости и изменчивости, прерывного и непрерывного, количества и качества; дается анализ указанных вопросов в трудах Фараби, Ибн Сины, Абу Райхана Беруни и других мыслителей прошлого.

Далее рассматриваются монографии М. Х. Нурматова «Об основоположениях материалистической диалектики», «Проблема тождества в диалектике» и другие его работы, посвященные вопросам о единстве диалектики, логики и теории познания, специфике философского знания, исходных принципах построения системы философских категорий.

Характеризуя работу М. М. Ахмедова «Некоторые проблемы диалектической логики», автор отмечает, что в ней исследуются законы и формы диалектического мышления, соотношения формальной логики и диалектики, сущность символической логики и др.

Касаясь работ М. Х. Хасанова, Р. Р. Абдурахманов особо останавливается на монографиях А. Манлова и М. Хасанова «Философские категории и познание», «Описание и объяснение», где исследуются вопросы единства логики и онтологии, соотношения конкретного и абстрактного, систематизации категорий. Отмечено также, что М. Х. Хасанов разрабатывает и проблему критериев новых философских категорий.

В третьей главе («Разработка сторон теории материалистической диалектики в других работах и статьях») автор останавливается на брошюрах С. Юлдашева — «Материалистическая диалектика — наука о развитии», А. Т. Аюпова — «Закон перехода количественных изменений в качественные», К. С. Садыкова — «Закон отрицания отрицания», М. Хайруллаева — «Содержание и форма», Ф. С. Подойникова — «Анализ и синтез», Х. Умарова — «О категориях единичного, особенного и общего», М. Хайруллаева и И. Рахимова — «Возможность и действительность».

В книге рассматриваются также публикации А. Б. Зведенюка, В. Г. Черника, А. Хажобаева, Н. Ибрагимовой, М. В. Шадиевой, Р. Шаназарова, У. Ж. Хайдарова, Ш. Б. Каххаровой, Р. Таганова, Д. В. Бирюкова, С. С. Камилловой, А. А. Файзиева, И. М. Хайдарова, И. Хакимова, Г. Х. Расулевои.

Выход в свет работы Р. Р. Абдурахманова представляется вполне своевременным. Она поможет читателю разобраться в том многообразии проблем и работ, которые имеются в философской литературе по диалектическому материализму в Узбекистане.

Вместе с тем это первое в нашей республике исследование подобного рода не лишено некоторых недостатков. Здесь в большей степени освещены вопросы материалистической диалектики. Желательно было бы подробнее охарактеризовать работы по проблемам философского материализма и теории познания. Автором упомянуты далеко не все исследования, выполненные в Ташкенте и даже в Институте философии и права АН УзССР. В частности, не отмечена вышедшая в 1960 г. на узбекском языке книга «Диалектический материализм», не упомянут вклад некоторых философов республики в разработку ряда проблем диалектического материализма и др. Было бы полезно также провести дополнительную работу по более подробному выявлению и освещению исследований, осуществленных в областях Узбекистана.

Надо надеяться, что историко-библиографический экскурс, предпринятый Р. Р. Абдурахмановым, послужит началом большой и полезной работы по созданию полной научной библиографии по всем разделам философской науки в Узбекистане — библиографии, построенной по тематическому принципу и включающей данные об основных научных центрах, коллективных учебных пособиях, опубликованных рецензиях на труды философов нашей республики и т. д.

Л. Е. Гарбер, А. В. Зведенюк

Г. П. МАКАРОВА. ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 1917 г. ВОСТОЧНЫЕ РАЙОНЫ
(М., «Наука», 1979, 224 с.)

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев неоднократно подчеркивал, что одним из великих завоеваний Октябрьской революции, одним из важнейших результатов победы социализма в СССР явилось блестящее решение национального вопроса в нашей стране.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов, выступая на Всесоюзной научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию Великого Октября, отметил, что «исторический опыт осуществления ленинской национальной политики КПСС, опыт утверждения и развития пролетарского интернационализма в жизни народов страны привлекает к себе внимание всех, для кого дороги судьбы современного человечества, его настоящее и будущее»¹.

Между тем у нас еще явно недостаточно обобщающих трудов по истории национально-освободительного движения, в которых раскрывалось бы все многообразие составляющих ее проблем, таких, как соотношение интернационального и национального; взаимосвязи составных звеньев и отрядов, их эволюция и дифференциация; определение границ, за пределами которых местный национализм исчерпывал свой демократический потенциал; раскрытие механизма создания и функционирования единого интернационального фронта борьбы трудящихся национальных районов против националистических группировок и др. В значительной степени это объясняется малочисленностью специальных исследований, рассматривающих национально-освободительное движение в конкретные исторические периоды на уровне отдельных регионов².

В известной мере этот пробел применительно к восточным районам России восполнил выход в свет монографии ст. научного сотрудника Института истории СССР АН СССР Г. П. Макаровой, специализирующейся в области изучения национальной политики Коммунистической партии в первые годы Советской власти.

В основе структурного замысла книги лежит стремление автора проследить развитие двух основных потоков в национально-освободительном движении: революционно-демократического и буржуазно-националистического — на этапе перестроения буржуазно-демократической революции в социалистическую. Такой подход позволяет системно подойти к сложному многообразию фактов и событий, выявить ведущие тенденции, закономерности и динамику классового противоборства, логику размежевания основных классов и партий в национально-освободительном движении в 1917 г. Его значимость несомненна и с точки зрения борьбы с современными буржуазными фальсификаторами, стремящимися представить все национально-освободительное движение в России как «националистическое», а националистических лидеров показать как «борцов за свободу и независимость», якобы выражавших интересы народа.

Избранный ракурс исследования остро поставил перед автором проблему источников. Как отмечает Г. П. Макарова, при изучении национально-освободительного движения легче всего выделить его буржуазно-националистический поток. Имеющиеся программы буржуазных и мелкобуржуазных партий при всей их фрагментарности позволяют составить представление о буржуазном направлении в национально-освободительном движении. Источники же, относящиеся к революционно-демократическому течению, не выделяются в специальную группу уже потому, что в ходе развития единого революционного процесса борьба трудящихся угнетенных районов непосредственно сливалась с борьбой русского пролетариата и крестьянства (с. 18—19). Очевидно, именно этим объясняется широкое использование исследовательской литературы в разделах, посвященных борьбе пролетариата и крестьянства.

Констатируя, что каждый из классов, участвовавших в национально-освободительном движении, вкладывал различное содержание в решение национального вопроса, автор тем самым встал перед необходимостью анализа национальных программ различных политических партий России. Принципы национальной политики русской буржуазии, отмечается в книге, и после Февральской революции оставались неизменными, что объясняется ее колониально-империалистическими устремлениями на Востоке, в том числе в Туркестане, где она пыталась сохранить старую военно-колониальную систему. Эту линию фактически поддерживали партии эсеров и меньшевиков.

В силу специфики избранной темы для Г. П. Макаровой особое значение имело выяснение позиций буржуазно-националистических партий в восточных районах стра-

¹ Рашидов Ш. Р. 60-летие Великого Октября и торжество пролетарского интернационализма в СССР. — В кн.: «60-летие Великого Октября и торжество пролетарского интернационализма в СССР», М., 1977, с. 17.

² Из имеющихся изданий можно назвать следующие работы: Курас И. Ф. В. И. Ленин и национально-освободительное движение трудящихся Украины в Октябрьской революции. Киев, 1971 (на укр. яз.); Тагиров И. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977.

ны. Используя широкий круг опубликованных и архивных материалов, она сумела выявить основные моменты национальной платформы буржуазных партий на местах. В работе отмечается рост активности национальной буржуазии после Февраля, стремившейся в ходе национально-освободительного движения усилить свою политическую роль, создать приемлемую для своих классовых интересов форму национальной государственности, обеспечить простор собственной предпринимательской деятельности. Автор показывает, что общим элементом пропагандистской тактики различных националистических группировок было стремление подчеркнуть «внеклассовый» характер своих требований, якобы отражавших интересы «нации в целом». Основная ставка при этом делалась на национализм как орудие классовых манипуляций буржуазии.

Г. П. Макарова обращает внимание читателя на особую опасность националистических идей в восточных районах, что объяснялось слабой классовой дифференциацией общества, а также внешним совпадением некоторых требований национальной буржуазии и трудящихся. Последнее, на наш взгляд, особо важно и нуждается в специальном изучении, ибо позволяет лучше понять причины временного, частичного успеха националистических лозунгов у трудящихся восточных окраин.

Исследуя деятельность национальных съездов, автор показывает, как буржуазия, используя особенности политического и экономического развития национальных районов, пыталась направить борьбу трудящихся за свои интересы в националистическое русло. Вполне аргументирован вывод о том, что, несмотря на известное недовольство национальной политикой Временного правительства, боязнь революционного движения вынуждала национальную буржуазию в целом поддерживать его классовую линию.

Определенное место в работе отводится изучению позиций местных мелкобуржуазных партий. Убедительно доказывается, что их идеология и политика также совершенно не отвечали задачам и целям национально-освободительного движения.

Социальную базу революционно-демократического потока в национально-освободительном движении составляли пролетариат и крестьянство.

Автор обосновывает принципиальное положение о том, что пролетариат угнетенных наций опирался на помощь русского рабочего класса, стоявшего в авангарде революционных выступлений. Многочисленными примерами подтверждается тезис об интернациональном единстве действий как объективном законе революционного процесса. При этом показано, как националистическим действиям буржуазии рабочие противопоставляли требование создания интернациональных организаций.

Значительное место в работе уделено росту масштабов борьбы большевиков за интересы трудящихся, совершенствованию форм и методов интернационалистической пропаганды. Приводимые данные наглядно свидетельствуют о том, что пролетариат был подлинным лидером национально-освободительного движения.

В книге поэтапно прослеживается сложный и постепенный процесс пробуждения крестьянства национальных районов, которое вопреки усилиям буржуазно-националистических и мелкобуржуазных группировок с развитием революционных событий предпочло отмежеваться от «единства» с собственными эксплуататорами и установить интернациональный союз с российским пролетариатом.

Рассматривая дальнейшую судьбу националистических партий на протяжении всего 1917 г., автор доказывает закономерность краха их программ, в которых по мере приближения пролетарской революции все более сглаживались различия и на первое место выступали общие классовые установки, свидетельствующие о нежелании и неспособности разрешить национальный вопрос.

Опираясь на обширный фактический материал, автор подводит читателя к выводу о том, что «партия рабочего класса была единственной партией, которая выражала истинные чаяния рабочих и крестьян угнетенных наций. Большевики отстаивали последовательно революционную позицию в национальном вопросе. Поэтому широкие массы национальностей пришли к сознанию о необходимости Советской власти и отказались буржуазным национализмам» (с. 219).

Важную смысловую нагрузку несет заключение книги, где по существу синтезируется весь приводимый в работе материал, делаются оценочные положения и итоговые выводы.

Монография не свободна от отдельных недостатков. В ряде случаев выкладки конкретно-исторического характера довлеют над теоретическими рассуждениями, что затрудняет раскрытие глубокой картины национально-освободительного движения. Думается, что одна из причин этого — недостаточное привлечение сведений из истории общественной мысли того периода. Между тем анализ источников подобного рода обогатил бы исследование, усилил его концептуальную направленность. В историографическом обзоре не всегда явственно определяется вклад, внесенный в изучение данной темы предшественниками. Некоторые суждения не раскрываются и носят декларативный характер (см., напр., с. 16).

В целом же монография Г. П. Макаровой означает шаг вперед в изучении истории национально-освободительного движения на Востоке нашей страны.

НОВЫЕ КНИГИ

ВОСТОЧНАЯ МИНИАТЮРА В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

Издательством литературы и искусства им. Гафура Гуляма выпущена в свет книга «Восточная миниатюра в собрании Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук УзССР» (Ташкент, 1980).

Это — первое издание части миниатюр из рукописей, хранящихся в Институте востоковедения АН УзССР. Цветные репродукции 102 миниатюр воспроизведены из рукописных сборников стихов и поэм, произведений по историографии, агнографии и медицине, выполненных в XIV—XX вв. в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии. Помимо миниатюр, представлены образцы художественно оформленных переплетов и различные формы орнаментального украшения рукописного текста.

Издание подготовлено сотрудниками Института искусствознания им. Хамзы при Министерстве культуры УзССР (канд. ист. наук Э. М. Исмаилова) и Института востоковедения АН УзССР (канд. филол. наук Е. А. Полякова), научный редактор — член-корр. АН УзССР Г. А. Пугаченкова.

В предисловии (автор — Э. М. Исмаилова) дан краткий очерк развития искусства оформления рукописной книги на Среднем Востоке в эпоху средневековья. В аннотациях к миниатюрам, опубликованных, как и предисловие, на узбекском, русском и английском языках, составители попытались отразить содержание иллюстрированного текста и основные достоинства миниатюр. Кроме того, приводятся все известные сведения о названии каждого произведения и его авторе по каталогу «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР». По возможности упоминаются также имена художников и каллиграфов, определяются художественный стиль миниатюр и время их исполнения.

Издание осуществлено типографией «Кошут» в Будапеште.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ «БАБУР-НАМЭ»

«Книга Бабура» — так озаглавлен новый перевод сочинения крупнейшего узбекского поэта и ученого XVI в. Захириддина Мухаммада Бабура — «Бабур-намэ» — на французский язык, выпущенный в свет в 1980 г. в Париже Восточным издательством Франции. Объем книги — 473 с. Один экземпляр ее недавно поступил в адрес Института востоковедения АН УзССР из канцелярии ЮНЕСКО (Париж).

Книга выпущена в легком, изящно оформленном переплете, снабжена картами и обширным востоковедческим комментарием. Перевод осуществлен видным французским востоковедом Баккю Громмоном.

Книга открывается небольшим введением известного французского ориенталиста, проф. Луи Базена. Вслед за этим идут три статьи — предисловия к переводу.

Дело в том, что специальная комиссия ЮНЕСКО, подготавливавшая новый перевод «Бабур-намэ» на французский язык, решила привлечь представителей ученых трех заинтересованных стран: СССР, Афганистана, Индии, — чтобы дать им возможность полнее раскрыть значение «Бабур-намэ» для истории народов этих стран.

В соответствии с этим замыслом, первая статья («Бабур в Мавераннахре») подготовлена представителем Советского Узбекистана, зав. сектором Института востоковедения АН УзССР, доктором ист. наук С. А. Азимджановой. В статье раскрываются значение «Бабур-намэ» как первоисточника по истории и истории культуры народов Средней Азии, его место и роль в мировой востоковедческой науке. Автор второй статьи («Бабур в Афганистане») — афганский профессор Абдулхай Хабиби, перу которого принадлежит ряд интересных исследований по истории и культуре Афганистана средних веков. Третье предисловие («Бабур в Индии») написано индийским ученым Мухаб-ул-Хасаном.

Научное наследие Бабура обширно. Кроме «Бабур-намэ», его перу принадлежат стихотворный диван, трактат по мусульманскому законоведению «Мубайин», сочинение о метрике стихосложения «Рисала-и Орзу», трактаты по музыке, о военном деле и специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Однако основной его труд — «Бабур-намэ», явившийся не только крупным вкладом в среднеазиатскую и индийскую историографию средних веков, но и великолепным образцом тюркоязычной прозы и мемуарной литературы XVI в.

Лирика Бабура также широко известна народам Средней Азии, она сыграла большую роль в развитии узбекской классической поэзии.

Научное и литературное наследие Бабура изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира (СССР, Чехословакия, ГДР, Турция, ФРГ, Италия, Франция, Англия, Индия, Пакистан, Иран, Афганистан).

В феврале 1983 г., как известно, исполняется 500 лет со дня рождения Бабура. Издание нового перевода «Бабур-намэ» в Париже, осуществленное под эгидой ЮНЕСКО, ярко свидетельствует о большом уважении к научному наследию Бабура со стороны столь авторитетной международной организации, высокой ценности его труда для мировой востоковедческой науки.

ХРОНИКА

**ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»**

17—18 ноября 1980 г. в Ташкенте прошла Всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы социалистической культуры», посвященная XXVI съезду КПСС. Она была организована Институтом философии АН СССР, Институтом философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР, Философским обществом СССР и его Узбекстанским отделением, Министерством высшего и среднего специального образования УзССР, Министерством просвещения УзССР, Правлением Общества «Знание» УзССР.

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели вузовских кафедр (философии, научного коммунизма, истории, этнографии, востоковедения, искусствоведения, педагогики, права), работники культуры как нашей республики, так и Москвы, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Украины, Дагестана.

Во вступительном слове президент АН УзССР, акад. А. С. Садыков подчеркнул возрастание социальных функций и общечеловеческое значение формирования и развития единой советской социалистической культуры как прообраза культуры коммунизма.

Выступивший на пленарном заседании вице-президент Философского общества СССР, доктор филос. наук Д. Ф. Козлов (Москва) в своем докладе «Коммунистические идеалы и их воплощение в духовной жизни развитого социалистического общества» обосновал историческую необходимость коммунистических идеалов в развитии мировой истории и мировой культуры, их возрастающее регулятивное значение на всех этапах, всех участках социалистического и коммунистического строительства, раскрыл место и роль коммунистических идеалов в духовной жизни развитого социалистического общества.

В докладе «Культура зрелого социализма — высшая ступень в развитии общечеловеческой культуры» директор Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР, доктор филос. наук К. Х. Ханазаров (Ташкент) обстоятельно охарактеризовал важнейшие проблемы развития культуры, успешное решение которых за годы социалистического строительства убедительно доказало всему миру преимущества нового общественного строя и подняло общечеловеческую культуру на качественно новую ступень.

Член-корр. АН КазССР Н. Д. Джандильдин (Алма-Ата) подробно остановился на вопросах социалистической интернационализации национального в советской культуре.

Доклад на тему «Ленинская концепция коммунистической цивилизации» сделал доктор филос. наук Т. Д. Каракеев (Фрунзе).

Зам. председателя Всесоюзного общества «Знание», доктор техн. наук А. П. Владиславлев посвятил свой доклад непрерывному образованию как фактору совершенствования культуры человека.

Анализ актуальных теоретических и практических вопросов социалистической культуры был продолжен на заседаниях секций.

Особое внимание было уделено ленинской теории культуры, учению В. И. Ленина о культурной революции, его роли в формировании новой, социалистической культуры. Этим вопросам были посвящены доклады доктора филос. наук Р. Х. Абдушукурова (Ташкент), канд. филос. наук Х. З. Зияутдиновой (Ташкент), выступления канд. филос. наук Х. А. Аликулова (Ташкент), канд. филос. наук А. А. Абдурахманова (Наманган), А. В. Цая (Наманган).

Канд. филос. наук И. А. Конников (Москва) выступил по вопросам планирования в науке в свете ленинской теории культуры.

Доклад о торжестве идей культурной революции в Узбекистане сделал доктор филос. наук А. К. Валиев (Ташкент), о социальном значении культурного прогресса в условиях развитого социализма — доктор филос. наук С. П. Турсунмухамедов (Ташкент).

Принцип партийности в духовной жизни социалистического общества осветил в своем выступлении доктор филос. наук Х. П. Пулатов (Ташкент), а в развитии социалистической национальной культуры — канд. филос. наук М. Каратаев (Алма-Ата).

Методологические вопросы исследования культуры были затронуты в выступлениях канд. филос. наук Э. Г. Абрамян (Ташкент), канд. юр. наук М. М. Файзиева (Ташкент), Э. Ахмедовой (Москва).

Актуальным вопросом роста национальных культур народов нашей страны, процессам их взаимодействия и взаимообогащения были посвящены доклады доктора филос. наук Н. Г. Гаибова (Ташкент) и канд. филос. наук Д. Магомедова (Махачкала), выступления доктора филос. наук О. П. Умурзаковой (Ташкент), канд. филос. наук К. Сарсенбаева (Алма-Ата), канд. филос. наук Ш. Б. Саматова (Термез) и др.

Различные аспекты возрастания роли социалистической культуры в формировании нового человека, его духовных потребностей рассматривались в докладе доктора филос. наук Х. П. Вахидова (Ташкент), выступлениях канд. филос. наук Х. А. Шайховой (Ташкент), канд. филос. наук Г. Ш. Ширматовой (Ташкент), канд. пед. наук А. Я. Айзенберга (Москва), канд. филос. наук М. Д. Раджабовой (Ташкент), канд. филос. наук М. Усманова (Фергана) и др.

Проблемы культуры восприятия художественных ценностей, сопричастности человека к социокультурному творчеству нашли отражение в выступлениях канд. филос. наук В. А. Кругликова (Москва), канд. филос. наук В. И. Асмоловой (Рига), канд. пед. наук М. М. Шибаевой (Москва), Е. В. Пушкина (Москва) остановилась на вопросах эстетизации среды, канд. филос. наук Л. В. Мдивани (Тбилиси) — на проблемах развития дизайна.

В выступлениях канд. филос. наук Т. Д. Сааковой (Ташкент), канд. филос. наук М. А. Абдуллаева (Ташкент), С. С. Садыкова (Фрунзе) и др. был дан анализ достижений и проблем культурного развития села.

В выступлениях канд. филос. наук Э. А. Орловой (Москва) и Ф. Т. Кулуевой (Ташкент) говорилось о взаимосвязи категорий «культура» и «образ жизни».

Выступление доктора юр. наук Г. А. Ахмедова (Ташкент) было посвящено социалистической законности и правовой культуре, канд. юр. наук К. К. Камилова (Ташкент) — роли Советов в культурном строительстве на современном этапе, канд. юр. наук Н. Р. Хисамиева (Ташкент) — праву как духовной ценности правовой культуры и др.

В условиях острой идеологической борьбы на мировой арене особое значение имеет разработка проблем взаимодействия культуры и идеологии, раскрытия идеологического содержания буржуазных концепций, разоблачения буржуазной фальсификации тенденций развития многонациональной социалистической культуры. Этим вопросам была посвящена работа отдельной секции конференции, где выступили канд. ист. наук Н. Р. Ибрагимова (Ташкент), канд. филос. наук М. Г. Иноземцева (Ташкент), канд. филос. наук А. М. Масалнев (Ташкент), канд. филос. наук Р. У. Ходжаева (Ташкент) и др.

Программой конференции была предусмотрена и встреча «За круглым столом», в ходе которой был затронут широкий круг вопросов — о повышении социальных функций культуры в период развитого социализма; дальнейшей разработке понятийного аппарата теории культуры, определении ее предмета и структуры; о месте культурологии в системе наук; методологии исследования интернационального и национального в культуре, духовном формировании личности; о путях становления и развития культуры производства; об усилении координации исследований по проблемам культуры и назревшей в связи с этим необходимости создания в стране единого академического центра, координирующего исследования в области культурологии (Института культуры в системе АН СССР), а также организации в Среднеазиатском регионе межведомственной комиссии по координации этих исследований и т. д.

Подводя итоги работы конференции, вице-президент Философского общества СССР Д. Ф. Козлов отметил значимость проведения ее для дальнейшей успешной разработки актуальных проблем культуры.

Конференция прошла на высоком идейном и научно-теоретическом уровне и достаточно полно отразила опыт теоретической и практической разработки проблем социалистической культуры, накопленный обществоведами страны, в том числе Узбекистана. Вместе с тем она позволила более четко выявить те вопросы, которые требуют дальнейшего глубокого исследования.

Материалы конференции опубликованы отдельным изданием (Ташкент, 1981).

Г. Гайбуллаева

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ

27—29 ноября 1981 г. в Ташкенте состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция по проблемам совершенствования преподавания исторических дисциплин в педагогических вузах СССР в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улуч-

шении идеологической, политико-воспитательной работы» и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов».

Конференция была организована Министерством просвещения СССР, Министерством просвещения УзССР и Ташкентским государственным педагогическим институтом (ТГПИ) им. Низами. ТГПИ не случайно был избран в качестве базы для проведения этого всесоюзного форума. Большой высококвалифицированный коллектив педагогов крупнейшего педвуза Средней Азии накопил богатый опыт подготовки кадров и преподавания исторических дисциплин, процесс которого непрерывно совершенствуется.

В работе конференции приняли участие около 700 человек — ответственные работники ЦК КПУз, Министерств просвещения СССР и УзССР, видные ученые, преподаватели педвузов Москвы, Ленинграда, Узбекистана и братских союзных республик.

Первое пленарное заседание (27 ноября) открылось вступительным словом председателя Оргкомитета конференции, министра просвещения УзССР, доктора филос. наук С. Ш. Шермухамедова.

Затем были заслушаны содержательные доклады начальника Управления учебных заведений Министерства просвещения СССР, канд. экон. наук В. К. Розова — «Актуальные проблемы совершенствования и дальнейшего развития педагогического образования в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов», председателя научно-методического Совета Министерства просвещения СССР, акад. АН СССР и АПН СССР А. Л. Нарочницкого — «Проблемы совершенствования учебных планов и программ по истории для пединститутов в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов», зам. министра просвещения УзССР, канд. ист. наук Н. Р. Рахманова — «Вопросы совершенствования учебно-воспитательного процесса и повышения качества подготовки специалистов на современном этапе», директора Института истории партии при ЦК КПУз, члена-корр. АН УзССР Х. Т. Турсунова — «Проблемы интернационального воспитания студенческой молодежи в процессе преподавания исторических дисциплин», ректора ТГПИ им. Низами, члена-корр. АН УзССР С. П. Турсунмухамедова — «Вопросы формирования научного мировоззрения студентов в процессе изучения общественных наук», зав. отделом Института истории АН УзССР, члена-корр. АН УзССР Р. Х. Аминовой — «Состояние, перспективы координации и подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам в Узбекистане», декана истфака Московского ГПИ им. В. И. Ленина, доктора ист. наук Э. М. Шагина — «Координация научно-исследовательской деятельности исторических кафедр пединститутов и повышение ее эффективности в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях».

Далее работа конференции проходила по трем секциям: проблемы совершенствования преподавания отечественной истории; проблемы совершенствования преподавания всеобщей истории; проблемы совершенствования методической подготовки учителей истории, обществоведения, Советского государства и права.

Всего на заседаниях секций было заслушано 114 докладов, 142 научно-методических сообщения и свыше 150 выступлений по различным аспектам указанных проблем. Здесь можно назвать, в частности, доклады доктора ист. наук Ю. И. Кораблева (МГПИ им. В. И. Ленина) — «Труды В. И. Ленина — методологическая основа совершенствования преподавания истории СССР эпохи социализма (Из опыта изучения ленинского наследия)», доктора ист. наук Е. Н. Соловьевой (Новосибирский ГПИ) — «Пути совершенствования научной подготовки студентов в области отечественной истории», доктора ист. наук Е. И. Кирюхиной (Кировский ГПИ) — «Формирование марксистско-ленинского мировоззрения в процессе преподавания курса истории СССР эпохи социализма», доктора филос. наук А. С. Агароняна (ТГПИ) — «Нравственное воспитание студентов в процессе преподавания общественных наук», доктора ист. наук Д. А. Алламурадова (ТГПИ) — «Из опыта работы кафедр истфака ТашГПИ им. Низами по совершенствованию учебно-воспитательного процесса и подготовки кадров учителей-историков в свете современных задач», доктора ист. наук П. Н. Ломашвили (Тбилисский ГПИ) — «Общее и особенное в освещении опыта социалистического преобразования сельского хозяйства республик Закавказья в лекциях по истории СССР и истории союзных республик», доктора ист. наук Н. И. Ганина (АОН при ЦК КПСС) — «Ленинская теория социалистической революции и современность», сообщения доктора ист. наук Г. И. Желтовой (ТГПИ) — «Некоторые аспекты преподавания историографии истории СССР в педвузах Средней Азии», канд. ист. наук С. Т. Тилеукулова (ТГПИ) — «Из опыта проведения спецкурсов по проблемам истории СССР», канд. ист. наук П. С. Котляра (ТГПИ) — «Изучение истории стран Азии и Африки в общем курсе всеобщей истории» и др.

На заключительном пленарном заседании (29 ноября 1980 г.) были заслушаны отчеты руководителей секций, подведены общие итоги работы конференции и приняты

рекомендации, направленные на дальнейшее повышение эффективности и качества всех видов учебно-воспитательной работы, совершенствование научно-теоретической и профессионально-педагогической подготовки учителей истории и обществоведения.

Конференция прошла на высоком идейно-теоретическом, научно-методическом и организационном уровне. Ход ее широко освещался по радио, телевидению и в печати. Материалы ее решено опубликовать отдельным изданием.

С. П. Турсунмухамедов, Д. А. Алламурадов

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПРАВОВЕДОВ

23—28 ноября 1980 г. в Москве состоялся первый советско-японский симпозиум правоведов, обсудивший актуальную проблему «Роль права в социальном развитии».

В соответствии с планом международных научных обменов Президиума АН СССР и программой, разработанной Оргкомитетом Института государства и права АН СССР, 29 ноября — 3 декабря 1980 г. делегация симпозиума в составе 9 японских и 5 советских ученых-юристов находилась в Ташкенте, где участники симпозиума продолжили свою работу, обсудив тему «Право и окружающая среда».

В работе симпозиума приняли участие сотрудники заинтересованных министерств и ведомств республики, ученые Института философии и права им. И. М. Муминова, Института экономики, СОПСа АН УзССР, руководители и члены Республиканского Общества охраны природы, члены Научного Совета АН УзССР по проблемам биосферы и др.

С развернутым вступительным словом на симпозиуме выступил вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов. Участники симпозиума заслушали следующие доклады: Усияма Цумору — «Современное японское законодательство по борьбе с загрязнением окружающей среды», Кан Мититаро — «Развитие законодательства по охране окружающей среды в послевоенной Японии», М. М. Бринчук — «Советское законодательство по охране окружающей среды», М. М. Файзиев — «Развитие законодательства по охране окружающей среды в Узбекской ССР», А. Р. Мухамедов — «Об основных научных направлениях в области охраны окружающей среды в АН УзССР», Л. М. Бойко — «Правовые формы охраны природы в Узбекистане».

Участники симпозиума встречались и беседовали с министром юстиции УзССР, доктором юр. наук М. С. Васиковой, деканом юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, членом-корр. АН УзССР А. А. Агзамходжаевым, председателем народного суда Сабир-Рахимовского района г. Ташкента Г. А. Аббасовым. Они посетили также СамГУ им. А. Навои, встретились с преподавателями юрфака и истфака университета, с интересом ознакомились с достопримечательностями Ташкента и Самарканда.

Совместными усилиями намечены конкретные меры по дальнейшему развитию научных взаимосвязей, личных контактов ученых, обмена интересующей их информацией. Материалы симпозиума готовятся к публикации.

Л. М. Бойко, С. М. Ганпаров

МУНДАРИЖА

КПСС XXVI съезди қарорлари — ҳаётга!

Э. Ю. Юсупов. КПСС XXVI съезди ва ижтимоий фанлар тараққиётининг актуал проблемалари	3
Д. Г. Иўлдошева. Ўзбекистон саноатида КПСС XXVI съезди шарафига социалистик мусобақа	18
Я. Е. Песин. СССР Давлат арбитражи ҳақидаги Қонуннинг асосий қондалари	23
М. Ҳасанов, Ю. Егоров, М. Маъруфий. Ҳаракат ва тараққиёт қонунларини билишда структура ва функция категорияларининг роли	29

Фандаги янгиликлар: излашлар, кашфиётлар, топилмалар

Б. А. Турғунов, В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе. Айртонда кашф этилган бақтрия монументал ёзуви (Дастлабки хабар)	38
---	----

Илмий ахборот

Х. Туракулова. Ҳозирги даврда Ўзбекистон ишчилар синфининг деҳқонларга бераётган оғалиқ ёрдамнинг ўсиши	49
Б. Я. Ставицкий, Н. П. Жукова. Туркомстариснинг ташкил бўлиш тарихидан (Тузилганига 60 йил тўлиши муносабати билан)	51

Олий мактаб ўқитувчиларига ёрдам

М. М. Файзиев. Ҳуқуқ фанларини ўқитишда қиёсий методдан фойдаланиш	54
--	----

Архив саҳифаларидан

Г. Ю. Остонова. Фарбий Бухоро феодал ер эгаллиги категория ва формалари ҳақидаги архив ҳужжатлари (XIX асрнинг иккинчи ярми — XX аср боши)	57
--	----

Историография

И. И. Аҳмадхўжаев. 1919—1924 йилларда Афғонистон совет историографиясининг шаклланиши тарихидан	61
---	----

Танқид ва тақриз

Л. Е. Гарбер, А. В. Зведенюк, Р. Р. Абдураҳмонов. Ўзбекистон филозофлари асарларида диалектик материализм проблемаларининг ишлаб чиқиши	65
Н. М. Камолiddинова, С. В. Кулешов, Г. П. Макарова. 1917 йил Россиядаги миллий-озодлик ҳаракати тарихидан. Шарқий районлар	67

Янги китоблар

ЎзССР Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институтини тўпламларидаги шарқ миниатюраси	69
«Бобирнома»нинг янги французча нашри	69

Хроника

Г. Файбуллаева. «Социалистик маданиятнинг актуал проблемалари»га бағишланган Бутуниттифоқ илмий конференция	71
С. П. Турсунмухамедов, Д. О. Олломурадов. Педагогика олий ўқув юрлари тарихчиларининг Бутуниттифоқ конференцияси	72
Л. М. Бойко, С. М. Фафоров. Совет-япон ҳуқуқшуносларининг симпозиуми	74

СОДЕРЖАНИЕ

Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!

Э. Ю. Юсупов. XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы развития общественных наук	3
Д. Г. Юлдашева. Социалистическое соревнование в промышленности Узбекистана в честь XXVI съезда КПСС	18
Я. Е. Песин. Основные положения Закона о Государственном арбитраже в СССР	23
М. Хасанов, Ю. Егоров, М. Маруфи. Роль категорий структуры и функции в познании законов функционирования и развития	29

Новое в науке: поиски, открытия, находки

Б. А. Тургунов, В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (Предварительное сообщение)	38
--	----

Научные сообщения

Х. Туракулова. Развитие шефской помощи рабочего класса Узбекистана крестьянству на современном этапе	49
Б. Я. Ставиский, Н. Н. Жукова. Из истории создания Туркомстарса (К 60-летию со дня основания)	51

В помощь преподавателям высшей школы

М. М. Файзиев. Использование сравнительного метода в преподавании юридических дисциплин	54
---	----

По страницам архивов

Г. Ю. Астанова. Архивные документы о категориях и формах феодального землевладения Западной Бухары (вторая половина XIX — начало XX века)	57
---	----

Историография

И. И. Ахмедхаджаев. Из истории становления советской историографии Афганистана 1919—1924 годов	61
--	----

Критика и библиография

Л. Е. Гарбер, А. В. Зведенюк. Р. Р. Абдурахманов. Разработка проблем диалектического материализма в трудах философов Узбекистана	65
Н. М. Камалетдинова, С. В. Кулешов. Г. П. Макарова. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. Восточные районы	67

Новые книги

Восточная миниатюра в собрании Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук УзССР	69
Новое французское издание «Бабур-намэ»	69

Хроника

Г. Гайбуллаева. Всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы социалистической культуры»	71
С. П. Турсунмухамедов, Д. А. Алламурадов. Всесоюзная конференция историков педагогических вузов	72
Л. М. Бойко, С. М. Гаппаров. Советско-японский симпозиум правоведов	74

НАШИ АВТОРЫ

- Юсупов Э. Ю.** — академик АН УзССР, вице-президент АН УзССР.
- Гурсунмухамедов С. П.** — член-корреспондент АН УзССР, ректор Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Алламурадов Д. А.** — доктор исторических наук, декан исторического факультета Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Гарбер Л. Е.** — доктор философских наук, профессор кафедры философии философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Лившиц В. А.** — доктор филологических наук, ст. научный сотрудник Ленинградского отделения ИВ АН СССР.
- Песин Я. Е.** — доктор юридических наук, зав. кафедрой гражданского процесса юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Ставиский Б. Я.** — доктор исторических наук, зав. отделом Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации Министерства культуры СССР.
- Файзиев М. М.** — доктор юридических наук, зам. председателя Совета по координации научно-исследовательских работ.
- Зведенюк А. В.** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ташкентского театрально-художественного института им. А. Н. Островского.
- Егоров Ю.** — кандидат философских наук, доцент.
- Камалетдинова Н. М.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Московского государственного института иностранных языков им. М. Горького.
- Кулешов С. В.** — кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры истории КПСС Московского государственного института международных отношений МИД СССР.
- Ртвеладзе Э. В.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Тургунов Б. А.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Хасанов М.** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Астанова Г. Ю.** — м.л. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Бойко Л. М.** — м.л. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Мушкова АН УзССР.
- Гайбуллаева Г.** — м.л. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Мушкова АН УзССР.
- Гаппаров С. М.** — м.л. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Мушкова АН УзССР.
- Жукова Н. Н.** — м.л. научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации Министерства культуры СССР.
- Туракулова Х.** — м.л. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Юлдашева Д. Г.** — м.л. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Ахмедхаджаев И. И.** — аспирант восточного факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Маруфи М.** — аспирант кафедры философии Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.

Цена 40 к.

Индекс
75349